A 183/1246
очерк..

2007057049

казаки, на которыхъ онъ распространяетъ свои обобщенія, во многомъ существенно различаются отъ своихъ единоплеменниковъ. Наблюденія, сообщаемыя г. Зеландомъ, при всей вѣрности фактовъ, имъ приводимыхъ, будучи приложены къ Киргизъ-казакамъ, не всегда покажутся справедливыми—и они точно также, какъ напр. трактаты о киргизахъ Сыръ-Дарьинской области, или Оренбургской степи, давая довольно полную картину жизни и нравовъ киргизъ вообще, въ частностяхъ непремѣнно будутъ отличаться отъ того, что замѣчается у Семирѣченскихъ киргизъ-казаковъ. Эти послѣдніе еще ждутъ своей монографіи.

Не будучи этнографомъ вообще и преслѣдуя во время моего путешествія исключительно гео-ботаническія задачи, за мое мѣсячное пребываніе среди киргизъ я имѣлъ возможность только урывками наблюдать жизнь этого народа.

Но такъ какъ многое изъ замѣченнаго мною представляетъ явленія характерныя именно для киргизъ данной области и потому могущія отличать ихъ отъ ихъ сосѣдей, то я и рѣшаюсь въ этомъ краткомъ очеркѣ представить ихъ въ видѣ матеріала для болѣе точныхъ работъ, въ видѣ дополненія къ фактамъ, сообщаемымъ г. Зеландомъ и др. [1]).

Киргизы-казаки Илійской долины принадлежатъ къ большой Киргизской Ордѣ. Они занимали бассейнъ Или несравненно ранѣе, нежели пришедшіе около столѣтія назадъ ихъ сосѣди—Кара-киргизы. Это показываетъ и ихъ туземное названіе Юйсунъ или Уйсюнъ, звучащее близко къ историческимъ Юхджи и Уссунямъ китайскихъ лѣтописцевъ, къ которымъ, если они и не вполнѣ подходятъ, судя по описаніямъ, то всетаки повидимому имѣютъ нѣкоторое отношеніе, выразившееся въ извѣстномъ %, хотя правда очень незначительномъ, бѣлокурыхъ, или точнѣе рыжеватыхъ (подобныхъ нашимъ татарамъ) особей, тамъ и сямъ разсѣянныхъ по степи и по возрасту не могущихъ быть отнесенными къ результатамъ знакомства съ русскими поселенцами.

Они считаютъ себя въ близкомъ родствѣ съ киргизами малой (Альшинджапасъ) и средней (Аргынъ-Наймехъ) орды и потомками рыжеволосаго Уссюня—брата родоначальниковъ двухъ вышеприведенныхъ ордъ и сыномъ Лудуза.

---

[1]) Факты, приводимые мною, были любезно просмотрѣны г. Б. С. Сыртановымъ, уроженцемъ этой мѣстности; ему я обязанъ также многими дополненіями и свѣдѣніями о бытѣ киргизовъ, которыя въ текстѣ означены ковычками.

По другимъ толкованіямъ, Уссунь былъ сынъ Каракозы, брата Джангоза, родоначальника Кара-киргизъ. Это второе толкованіе, разсказанное мнѣ въ долинѣ Иссыкъ-Куля, еще впрочемъ подлежитъ повѣркѣ.

Илійскіе киргизъ-казаки дѣлятся на нѣсколько колѣнъ (нынѣ составляющихъ изъ себя волости), и каждое изъ нихъ въ лицѣ стариковъ или знатныхъ киргизъ твердо помнитъ свою родословную.

Такъ напр. киргизы Дулатской волости производятъ себя отъ Дулата сына Абакъ Терека, внука Юссуня.

Другія волости имѣютъ подобное же происхожденіе. Когда они сюда пришли? Большинство этого не помнитъ, воображая себя аборигенами страны; они однако противорѣчатъ себѣ, такъ какъ считаютъ всѣ курганы и многочисленныя изображенія, встрѣчаемыя на стѣнахъ, принадлежащими другому народу (какъ они думаютъ—калмыкамъ), кочевавшимъ здѣсь въ давно прошедшія времена.

За то въ народѣ существуетъ твердое убѣжденіе, что они здѣсь только временные хозяева, что рано или поздно придетъ китаецъ и прогонитъ ихъ до Самарканда.

Это-то повѣрье повидимому и было причиною, почему всѣ киргизы отнеслись къ отдачѣ Кульджи съ большимъ страхомъ, видя въ этомъ первый шагъ къ исполненію предсказанія. Ихъ также поэтому очень интересуетъ вопросъ: кто сильнѣе, русскіе или китайцы. У первыхъ они видятъ превосходство культуры, лучшую дисциплину и личную доблесть; вторыхъ они боятся вслѣдствіе ихъ многочисленности.

Хотя, я думаю, безошибочно можно сказать, что Китай не пользуется никакою симпатіею со стороны нашихъ магометанъ, будь они осѣдлы, будь кочевники, однако они и русскихъ считаютъ за Богомъ проклятый народъ, такъ какъ увеличивающіеся зимніе холода и морозы въ мѣстностяхъ, гдѣ, по ихъ словамъ, прежде не было зимы (!?), они приписываютъ намъ, жителямъ холоднаго сѣвера.

Это впрочемъ отнюдь не мѣшаетъ хорошимъ отношеніемъ между русскимъ и киргизскимъ населеніемъ, въ чемъ читатель легко можетъ убѣдиться изъ сказаннаго ниже.

Несмотря однако на прочность такихъ хорошихъ отношеній, я ни на минуту не сомнѣваюсь, что въ случаѣ побѣды со стороны Китая добрыхъ двѣ трети степи перейдутъ на его сторону, такъ какъ кочевники всегда будутъ держать сторону сильнаго, будь то русскіе, сарты или желтолицые.

Но пока этого нѣтъ, хотя наше владычество имъ, быть можетъ,

и не совсѣмъ пріятно, мы можемъ быть вполнѣ увѣрены въ спокойствіи населенія, преданнаго своимъ занятіямъ.

Разсмотримъ, каковы же эти занятія въ различныя времена года.

Весною, въ мартѣ мѣсяцѣ киргизы выбираются изъ горныхъ ущелій въ открытую ровную степь, гдѣ и располагаютъ свои аулы, т. е. группы юртъ, въ которыхъ живутъ семьи, связанныя между собою родствомъ или узами дружбы.

Мѣста кочевокъ для каждой волости, иногда для каждаго аула, строго опредѣленныя; хотя иногда и случается, что вынужденная обстоятельствами одна волость мѣняется съ другою мѣстомъ.

Едва только появится первая весенняя травка, отпрыски полыни или ковыля, какъ спускаются сюда изъ за предгорій киргизы съ ихъ голодными стадами, покидая теплыя зимовки, и тогда въ юртахъ, поставленныхъ на холодную землю, подвергаясь дѣйствію леденящихъ весеннихъ вѣтровъ, они принуждены съ утра до вечера не снимать шубы—кромѣ немногихъ тихихъ дней, когда температура быстро поднимается и бываютъ даже жары.

Спѣшить въ степь ихъ заставляютъ животныя. За зиму они истребляютъ въ предгоріяхъ всю высокую траву; низкая спрятана подъ сугробами снѣга. Запасовъ сѣна, кромѣ какъ для гостей или для особыхъ, любимыхъ скакуновъ киргизы не дѣлаютъ.

Пойдетъ киргизъ съ косою на луговину, сдѣлаетъ одинъ-другой прокосъ и идетъ отдыхать. Много много накоситъ онъ двѣ, три копны. Стоитъ ли этакую малость припасать на зиму для табуна? Конечно, нѣтъ — гораздо выгоднѣе продать на базарѣ русскимъ. И везетъ киргизъ сѣно въ Алматы и, выручивъ за него нѣсколько грошей, считаетъ себя вправѣ, какъ имущаго деньги, бездѣльничать цѣлую недѣлю.

Конечно изъ этого правила есть исключенія; иногда для покосовъ киргизы обращаются даже за помощью къ русскимъ; но они рѣдки, и весною лошади бываютъ до того тощи, что положительно удивляешься, какъ еще могутъ эти обтянутые кожею скелеты носить на себѣ ихъ сѣдоковъ.

Въ это время лошади киргизской породы кажутся особенно некрасивыми; цѣны на нихъ падаютъ, а такъ какъ время это совпадаетъ со временемъ сбора податей, то это особенно на руку заимодавцамъ — кулакамъ и разнымъ другимъ кровопійцамъ, которыхъ въ Азіи не меньше, чѣмъ въ Европѣ.

Понятно, что киргизъ, который въ лошадяхъ видитъ все свое богатство и славу, для котораго онѣ-то и являются главнымъ им-

пульсомъ для перекочевки, съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда начнетъ пробиваться первая травка, чтобы двинуться внизъ, въ степь, покинувъ насиженное въ горахъ мѣсто, дать хоть какой нибудь кормъ своимъ любимицамъ, на которыхъ дѣйствительно безъ жалости невозможно смотрѣть. Это и есть первая весенняя перекочевка изъ горныхъ ущелій въ степь, изъ за каменнаго забора на просторъ, на свѣжій воздухъ.

Но въ апрѣлѣ еще въ степи бываетъ снѣгъ при холодномъ N вѣтрѣ. Не смотря на шубы, киргизъ нуждается въ топливѣ для юрты. Зимою женщины ежедневно собирали сучья и кустарникъ. Здѣсь нѣтъ ни того, ни другого; приходится поэтому обходиться или кизякомъ (тэзэкъ), т. е. сухимъ бараньимъ пометомъ, или же выкорчевывать корни степныхъ многолѣтниковъ, вродѣ полыни и т. п. Этимъ дѣломъ въ досужее время занимаются всѣ члены семьи, хотя опять таки главная доля работы падаетъ на женщину, у которой и помимо этого дѣла есть масса хлопотъ по дому.

Едва солнце станетъ приближаться къ закату, какъ изъ за клубовъ пыли начинаетъ раздаваться блеяніе возвращающагося домой стада барановъ, гонимаго койчи, т. е. бараньимъ пастухомъ.

Лошадей и верблюдовъ въ это время никогда на ночь не пригоняютъ, предоставляя день и ночь пастись на лучшихъ мѣстахъ подъ надзоромъ джилкаши и его помощниковъ, молодыхъ членовъ семьи. Лошади съѣдаютъ лучшія травы; онѣ однѣ въ почетѣ. Пренебрегаемыя ими колючки подбираются верблюдами (есть какъ однотакъ и двугорбые, преимущественно вторые); что останется отъ крупныхъ животныхъ, то подбираютъ барашки.

Женщины, встрѣчая возвращающееся стадо, немедленно приступаютъ къ доенію. Къ длинной горизонтально протянутой веревкѣ съ петлями привязываются бараны въ два ряда головами вмѣстѣ, хвостами врозь, послѣ чего начинается процессъ доенія. Мужчины при этомъ рѣдко, почти никогда не помогаютъ женщинамъ; доильщиками они являются только лѣтомъ, когда настаетъ пора кумыса и когда ежедневно доятся кобылы, за которыми ходятъ преимущественно мужчины.

Процессъ доенія продолжается до сумерекъ, послѣ чего бараны пускаются опять на волю. Маленькіе ягнята остаются при матеряхъ; только въ очень холодную бурную погоду ихъ берутъ въ юрту, и тогда конечно внутренность ея не отличается ни чистотою воздуха, ни опрятностью пола.

Но это обыкновенно бываетъ лишь въ исключительныхъ слу-

чаяхъ. Чаще же киргизская юрта производитъ впечатлѣніе болѣе или менѣе пріятное.

Я долженъ здѣсь однако оговориться; впечатлѣніе это можно назвать хорошимъ только по сравненію съ обстановкою другихъ кочевниковъ Азіи, находящихся въ такихъ же, какъ киргизы, условіяхъ жизни, и притомъ у киргизъ средней зажиточности. Жилище бѣдняка, какъ и вездѣ, и здѣсь неприглядно.

Не надо забывать, что кочевая жизнь въ пыльной лессовой атмосферѣ, въ мѣстностяхъ часто бѣдныхъ водою, не можетъ представлять тѣхъ условій опрятности и чистоты, какихъ привыкъ требовать осѣдлый житель.

Потому-то говоря о чистотѣ юрты, я разумѣю эту чистоту, какъ понятіе относительное, и для человѣка, впервые попавшаго въ степь, эта юрта конечно покажется и жалкою, и грязною. Но она пріятно поражаетъ послѣ той обстановки, къ которой привыкаешь въ жилищѣ калмыка, или въ шалашѣ кочевника сѣвера.

Юрта калмыцкая насквозь пропитана запахомъ калмыцкой водки, одного изъ отвратительнѣйшихъ напитковъ, какіе былъ способенъ выдумать человѣкъ. Одежда и домашняя утварь калмыка никогда не моется. Она пропитана самыми различными запахами, кишитъ насѣкомыми и большею частію не снимается съ тѣла, пока не превратится въ лохмотья. Не смотря на то, что въ калмыцкой юртѣ утварь разставлена въ симметричномъ порядкѣ, она поражаетъ своею отвратительною грязью, такъ какъ, служа для разнообразнѣйшихъ цѣлей, она не знаетъ мытья—какъ и самое тѣло ея хозяина.

Въ подобномъ же положеніи находится и жилище большинства сѣверныхъ кочевниковъ и по сравненію съ ними юрта киргизская, кромѣ запаха войлока другихъ ароматовъ въ обыкновенное время не имѣющая, гдѣ посуда и утварь постоянно моется, гдѣ въ порядочныхъ семьяхъ хоть одинъ разъ въ недѣлю какъ платья, такъ и тѣла членовъ семьи вымываются, конечно произведетъ несравненно болѣе пріятное впечатлѣніе, покажется болѣе благообразною. Если одежда и постели не лишены паразитовъ, то во всякомъ случаѣ ихъ не многимъ больше, чѣмъ въ осѣдлыхъ жильяхъ нѣкоторыхъ губерній, населенныхъ нашими соотечественниками—и во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ у калмыковъ, гдѣ, какъ извѣстно, пойманный паразитъ (вошь) отпускается въ юртѣ на волю.

Наконецъ, по самой обстановкѣ юрта киргизская отличается отъ тѣхъ, которыя встрѣчаешь у калмыковъ Астраханской губерніи.

Какъ извѣстно, всякая юрта (уй) состоитъ изъ деревяннаго рѣ-

шетчатаго разборнаго остова (кереге), образующаго кольцеобразную стѣну въ видѣ низкаго цилиндра, обтянутаго со всѣхъ сторонъ войлоками (кіизъ) и покрытаго сверху крышею конусообразной формы, образуемой слегка изогнутыми палками, которыя однимъ концомъ связываются со стѣнами, другимъ же укрѣпляются къ кольцу, помѣщающемуся въ центрѣ. Обтянутыя кошмами эти палки (уукъ) образуютъ сводообразную крышу съ круглымъ отверстіемъ для прохода дыму наверху (чоиракъ), которое по желанью можетъ быть заткнуто 4-хъ угольнымъ кускомъ войлока (тунлюкъ).

Когда рѣшетки, составляющія стѣны юрты и палки, образующія ея коническій потолокъ, связаны между собою и обтянуты войлоками, юрта имѣетъ видъ приплюснутаго сверху стога сѣна и легко 3 — 4 человѣками переносится съ мѣста на мѣсто. Такого типа юрты свойственны всѣмъ кочевникамъ Турана.

Но необходимую принадлежность внутренняго убранства юрты семирѣченскаго киргиза составляетъ плетенка изъ травы чій— Lasiagrostis splendens. Эта внутренняя обкладка стѣнъ, какъ бы сквозные обои, необыкновенно характерна для киргизской юрты; ея я не видалъ ни у астраханскихъ калмыковъ, ни у калмыковъ, кочевавшихъ въ долинѣ р. Текеса, гдѣ чій растетъ въ изобиліи.

Длиною въ человѣческій ростъ соломины чія переплетаются различно окрашенными шерстями и образуютъ циновку, по внѣшнему виду напоминающую наши жалюзи, или деревянныя сторы изъ спицъ.

Красота узора, состоящаго изъ сплетенія шерстей красной, черной и бѣлой, зависитъ отъ вкуса женщинъ, и иногда такіе обои бываютъ весьма недурны.

Длинные зимніе дни во время свободное отъ хозяйственныхъ хлопотъ женщины проводятъ за приготовленіемъ этихъ плетенокъ, которыя служатъ также и для украшенія дверей. Кусокъ войлока, подшитый чіемъ и спущенный сверху внизъ, закрываетъ входъ въ юрту и составляетъ отличіе дверей киргизскаго жилья отъ калмыцкихъ, всегда деревянныхъ и двухстворчатыхъ (юдинъ), которыя однако кое-гдѣ попадаются и у киргизъ.

Полъ юрты бываетъ убранъ часто красивыми войлоками. Мѣсто по серединѣ занимаетъ котелъ (казанъ) на треногѣ—домашній очагъ, а около стѣнъ весною безъ особеннаго порядка бываетъ разложена домашняя утварь, посуда (кромѣ фарфоровыхъ чайныхъ чашекъ китайскаго типа, но русской фабрикаціи въ видѣ полоскательницъ) всегда деревянныя сѣдла, ятаны, постели, а въ зажиточныхъ

семьяхъ сундуки, погребцы, самовары русской работы или татарскіе кунганы [1]).

Таковъ общій видъ юрты въ будничный день. Если же ожидаютъ прибытія гостя — домъ преображается. Особенно привлекательна юрта, выставляемая спеціально для ожидаемаго человѣка— чиновника или почетнаго киргиза. Такія юрты обыкновенно выставляютъ и для путешественниковъ, если онъ имѣетъ извѣстныя бумаги отъ мѣстной администраціи. Юрта освобождается отъ домашняго скарба. По стѣнамъ въ видѣ амфитеатра развѣшиваются ковры яркаго бухарскаго рисунка, стелятся новыя кошмы; на почетномъ мѣстѣ разстилаются шелковыя одѣяла и кладутся подушки.

Если погода не холодная, то чистая, красиво убранная юрта служитъ весьма пріятнымъ мѣстомъ отдыха, или даже занятій.

Но обратимся къ женщинамъ, которыхъ мы оставили за доеніемъ коровъ, пригоняемыхъ вслѣдъ за баранами.

Едва только кончится доеніе скота, какъ женщины должны позаботиться о приготовленіи молока въ прокъ. Одна часть его, слегка вскипяченная въ казанѣ, немедленно выпивается членами семьи. Остальное кипятится и идетъ на приготовленіе айрана. Изъ саба, т. е. изъ большого мѣха, выдѣланнаго изъ кобыльей кожи, приливается въ казанъ нѣкоторое количество хранящагося въ немъ кислаго молока, которое хорошенько перемѣшиваютъ со вскипяченнымъ и разбавленнымъ водою, и оставляютъ въ казанѣ киснуть на ночь. Получившійся на другой день айранъ разливаютъ въ сабы „торсуки“ и тулупы (мѣха изъ козьей кожи), изъ которыхъ онъ и расходуется по мѣрѣ надобности.

Болѣе зажиточныя семьи приготовляютъ еще слѣдующія кушанья: 1) Масло.

2) Акъ-рамчикъ — творогъ, осѣдающій на дно при скисаніи молока. Рамчикъ или казакъ-рамчикъ — сыръ, получаемый путемъ свертыванія кипяченаго молока подъ вліяніемъ бараньей брюшины. Осадокъ прожимаютъ между пальцами и, свалявши въ колобки, сушатъ на солнцѣ на циновкѣ изъ чія, обыкновенно растягиваемой въ видѣ навѣса надъ дверью.

3) Куртъ или крутъ—Для полученія его устраиваютъ въ землѣ яму, имѣющую видъ цифры 8. Надъ однимъ изъ отверстій ставится котелъ, въ другое накладывается новое топливо и по мѣрѣ

---

[1]) Домашняя утварь подробно описана Левшинымъ, Зеландомъ и др., почему не считаю нужнымъ повторять здѣсь ея описаніе.

сгорапія дровъ подъ котломъ пропихивается подъ него. Когда сыворотка укипитъ до полученія густой массы, ее вынимаютъ и высушиваютъ, сминая въ плотныя комья. Крутъ употребляется не не только какъ зимняя пища, но и какъ лекарство отъ одышки и тошноты при переѣздахъ по высокимъ горнымъ перевалamъ.

Это запасъ на зиму. На приготовленіе молочныхъ припасовъ — айрана, ремчика, курта и кипяченіе молока у женщины уходитъ большая часть времени до поздняго вечера.

На другой день утромъ опять доеніе скота и кипяченіе молока. Такимъ образомъ сложа руки сидѣть хозяйкѣ или хозяйкамъ (что бываетъ рѣдко, такъ какъ многоженство мало развито), приходится вовсе уже не такъ много времени, какъ то можно бы было думать.

Мужчины весною также являются болѣе или менѣе занятыми. Большинство киргизъ по мѣрѣ возможности занимаются земледѣліемъ.

Господствующими хлѣбными растеніями въ ихъ хозяйствѣ являются просо и кунакъ — Panicum italicum, затѣмъ уже пшеница, рѣдко рожь. Въ послѣднее время нѣкоторые начали сѣять клеверъ (джонушкà) Medicago sativa.

Если вѣрить наблюденіямъ старожиловъ, нельзя не признать, что въ культурѣ киргизъ нѣтъ ничего самостоятельнаго—вначалѣ они заимствовали способы обработки и растенія у таранчей и сартовъ; теперь же русское вліяніе сказывается все сильнѣе и сильнѣе.

Недавно, еще говорятъ, просо было главнымъ хлѣбнымъ растеніемъ киргиза; наоборотъ въ послѣднее время пшеница получаетъ преобладаніе, и за нею, надо думать, картофель, пока еще мало извѣстный, войдетъ въ употребленіе, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ. Способъ обработки полей пока еще чисто азіатскій. Подробнѣе мы разсмотримъ его въ статьѣ о русскомъ населеніи. Пока же ограничимся упоминовеніемъ о тѣхъ чертахъ его, которыя характеризуютъ чисто киргизское хозяйство.

За исключеніемъ немногихъ черноземныхъ плато (кое-гдѣ на Кандыкъ-тау) и большинства пунктовъ урочища Камау, гдѣ засѣваютъ влажныя усыхающія низины отъ когда то бывшихъ среди песковъ заводей и озеръ и не слишкомъ соленые такары и побережья Или [1])—повсюду распространена арычная система искусственнаго орошенія [2]).

---

[1]) На побережьяхъ кое-гдѣ устроены чигири для поливки во время засухи. На другихъ мѣстахъ урочища Камау орошеніе не примѣняется ни въ какое время года.

[2]) Мы разумѣемъ хозяйство въ илійской долинѣ. Сѣвернѣе сѣютъ хлѣбъ и безъ орошенія.

Плугъ, вѣрнѣе соха, запряженная парою верблюдовъ, рѣже лошадьми или даже коровами, которыми, какъ извѣстно, не брезгаютъ и для верховой ѣзды — представляетъ изъ себя изогнутый кусокъ дерева, съ одной стороны заостренный, съ другой стороны тупой, посреднѣ котораго продѣлано отверстіе для толстой палки, служащей дышломъ. Къ этой палкѣ веревками прикрѣпляется поперечная перекладина для постромокъ идущихъ къ животнымъ.

Другими словами, это первобытное орудіе вполнѣ тождественно съ тѣмъ, которое Миддендорфъ описываетъ у сартовъ долины Ферганы, съ тѣмъ только различіемъ, что у послѣднихъ заостренный конецъ деревяшки вооружается насаживаемымъ на него желѣзнымъ наконечникомъ, тогда какъ у киргизъ этотъ наконечникъ надѣвается лишь при обработкѣ особенно твердыхъ или вязкихъ почвъ. Киргизы сами не умѣютъ приготовлять такихъ наконечниковъ [1]), въ случаѣ надобности покупаютъ ихъ въ городахъ или кишлякахъ, но обыкновенно обходятся безо всякихъ металлическихъ частей. Поле ковыряется сперва въ продольномъ, потомъ въ поперечномъ направленіи. Если ковырянье это произведено нѣсколько разъ—паханье считается оконченнымъ. Иногда для пашни избирается страшно каменистая, повидимому, совершенно безплодная почва—но искусственное орошеніе производитъ чудеса. Я не видалъ, чтобы употребляли удобреніе. При переложной системѣ, число лѣтъ, которое пашется поле, неопредѣленно. Въ долинѣ Камау мнѣ киргизы указывали пашни, которыя они пашутъ около 20 лѣтъ, не замѣчая особеннаго уменьшенія урожайности. Показаніе это, однако, противорѣчитъ даннымъ о русскихъ урожаяхъ, и я думаю, можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что обыкновенно поля киргизскія при ихъ плохой обработкѣ даютъ урожаи сравнительно всегда низшіе, чѣмъ у осѣдлыхъ жителей.

По окончаніи обработки поля сохою, его начинаютъ боронить. Къ круглому бревну прикрѣпляются веревки, соединяющія его съ упряжью животныхъ.

На бревно, къ которому иногда прикрѣпляются пучки колючекъ, становится человѣкъ, который, погоняя животныхъ, ѣздитъ вдоль и поперегъ поля до тѣхъ поръ, пока не придастъ поверхности болѣе или менѣе ровный видъ. Тогда сѣютъ и вторично заборониваютъ.

---

[1]) Нѣкогда въ Иссыкъ-кульскомъ уѣздѣ кара-киргизы выдѣлывали желѣзо, теперь же промышленность эта брошена.

Сохъ и боронъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова еще почти нѣтъ въ употребленіи, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ заимствуются у русскихъ. Эти орудія слишкомъ дорогія для киргиза, чтобы онъ сталъ на нихъ тратиться. Какъ и у русскихъ, посѣвъ начинается съ марта и тянется до середины апрѣля.

Поля р. Курту и у Копа, обработанныя такимъ образомъ, по словамъ туземцевъ, давали урожай самъ 5 въ плохой и самъ 20 въ урожайный годъ, причемъ поливка производилась въ концѣ апрѣля и началѣ мая. Въ урочищѣ Камау, гдѣ сѣются и арбузы, урожайность повидимому бо̀льшая, но точныхъ чиселъ отъ безтолковыхъ жителей, испуганныхъ внезапнымъ появленіемъ русскихъ, добиться было нельзя.

Говоря вообще, киргизское населеніе получаетъ съ каждымъ годомъ большее и большее стремленіе къ земледѣлію. Имъ занимались бы они всѣ поголовно, еслибъ съ одной стороны русская колонизація, съ другой отдача Кульджи, лишившая насъ плодородной долины Текеса и навязавшая орды голодныхъ таранчей, занявшихъ годныя для земледѣлія пространства илійской долины— не лишили киргизъ годныхъ земель и не обрекли цѣлыя области на вѣчное скитаніе по безводнымъ пустынямъ Чу-илійскаго водораздѣла, большинство пунктовъ котораго не позволяетъ и думать о земледѣліи. Тѣмъ не менѣе и тутъ въ пескахъ Камау и по теченью рѣчекъ — гдѣ только можетъ рости хлѣбъ — вездѣ появляются оазисы зелени киргизскихъ пашенъ.

Жители Камау напр. оставляютъ на лѣто тамъ особыхъ сторожей. Въ то время, какъ прогнанные лѣтнею безкормицею и жарою киргизы уходятъ въ горы — эти сторожа въ пескахъ при 40—50 градусной жарѣ лежатъ въ юртахъ наполненныхъ дымомъ, такъ какъ стоитъ имъ только немного отойти отъ костра, чтобы быть атакованными міріадами желтыхъ, больно кусающихъ комаровъ, кишащихъ въ камышевыхъ джонгляхъ Или, доселѣ еще, посѣщаемыхъ тиграми. Понятно, что на такую пытку соглашается только болѣе бѣдная часть населенія, болѣе же счастливые ихъ товарищи предпринимаютъ переселеніе. Вообще не только въ Камау, но и вообще въ долинѣ нижняго и средняго теченія Или, киргизы держатся не долѣе середины мая. Затѣмъ они предпринимаютъ вторую перекочевку — кочевку на джайлау. Смотря по температурѣ весны, горы освобождаются отъ снѣговъ, то въ началѣ, то въ концѣ мая. Соразмѣрно съ этимъ, киргизъ и располагаетъ свои передвиженія. Джайлау обыкновенно представляетъ изъ себя альпійскіе луга—

„альпы“ Швейцарцевъ, Matten нѣмцевъ; но киргизы принимаютъ это слово въ болѣе широкомъ смыслѣ. Они называютъ джайлау также и тѣ луга, которыя простираются между лѣсами хвойной зоны Алатау; наконецъ, оттѣсненные въ глубину степей русскими и новыми колонистами таранчами и дунганами (которые со временемъ будутъ у насъ здѣсь играть ту же роль, что китайцы въ Сѣверной Америкѣ) многія киргизскія волости не имѣютъ уже возможности кочевать на настоящихъ горныхъ лугахъ. Они принуждены пользоваться такими долинами предгорій, какъ напр. долина Андракайскихъ горъ или горъ Ханъ-тау, которыя не имѣютъ по природѣ своей ничего общаго съ нагорной. Тѣмъ не менѣе и онѣ носятъ названіе Джайлау (Яйла крымскихъ татаръ). Двѣ причины заставляютъ киргизъ кочевать на Джайлау — свѣжіе луга альпійскихъ высотъ, которыми онъ можетъ замѣнить уже вытоптанныя скотомъ степныя пространства, и мухи, которыя преслѣдуютъ скотъ въ степныхъ долинахъ. Вотъ это-то второе обстоятельство и заставляетъ, повидимому, кочевника идти на степные безплодные откосы Андракая и Ханъ-тау, гдѣ хотя и скуденъ кормъ, но благодаря постояннымъ вѣтрамъ, нѣтъ мухъ, столь несносныхъ для лошадей.

Забота о перекочевкѣ лежитъ всецѣло на женщинѣ.

Барановъ по условленной дорогѣ, избранной главою семьи, за нѣсколько часовъ посылаютъ впередъ. Эти животныя двигаются медленно; при ихъ безтолковости гнать ихъ весьма хлопотливо и потому перекочевку стараются расположить такъ, чтобы нагнать барановъ только къ концу пути. Верблюды, лошади и коровы кочуютъ вмѣстѣ съ аломъ.

Во время передвиженія аула отецъ семейства играетъ пассивную роль. Его дѣти и жена должны гнать барановъ, наблюдать за табунами; онъ же обязанъ позаботиться, чтобы какъ слѣдуетъ были собраны и навьючены юрты и домашняя утварь. Женщины кочуютъ на особенно красиво убранныхъ и осѣдланныхъ лошадяхъ, нерѣдко въ праздничныхъ одеждахъ. Для дѣвушекъ это дѣйствительно, не смотря на всѣ хлопоты, праздничное время. Только теперь, если pater familias не особенно строгій, имѣютъ онѣ возможность поджигитовать на лошадяхъ, показать свою ловкость; и вотъ, отставши версты на двѣ отъ своихъ, онѣ пускаютъ въ скачь коней, стремясь перегнать одна другую, выказать неустрашимость при перепрыгиваніи черезъ арыки и стволы деревъ.

Перекочевка длится иногда нѣсколько дней, такъ какъ иной джайлау лежитъ очень далеко отъ весенняго мѣста кочевки; между

тѣмъ, въ виду строгаго распредѣленія лѣтовокъ, ни одинъ киргизъ не рѣшится остановиться на чужихъ мѣстахъ.

Ставить юрту каждую почь хлопотливо и послѣ длиннаго пути утомительно. Поэтому ограничиваются тѣмъ, что изъ рѣшетокъ стѣнъ, ставя ихъ подъ угломъ подобно картамъ карточныхъ домиковъ и покрывая ихъ кошмами, устраиваютъ нѣчто вродѣ tente abris для нѣсколькихъ человѣкъ, гдѣ и располагаются спать (иткарка). Въ жаркое время предпочитаютъ кочевать ночью. Въ концѣ мая въ почную пору съ гиканьемъ и шумомъ, съ ржаніемъ и блеяньемъ пробирающійся по лѣсной тропинкѣ, аулъ представляетъ явленіе довольно обыкновенное. Обыкновенно спачала останавливаются въ лѣсной зонѣ; позже, въ іюлѣ, забираются на самыя кручи къ предѣламъ альпійской растительности, на верхній джайлау.

Киргизъ, достигнувшій до своего джайлау, попадаетъ въ положеніе петербургскаго дачника; сыро, холодно, вѣтеръ и дождь обливаютъ путниковъ водою, мочатъ одежду и кошмы. Второпяхъ разставляютъ юрту. Надо искать дровъ, чтобы согрѣться и просушиться. Къ счастію, въ лѣсу они подъ рукою, и женщины безъ особыхъ хлопотъ разведутъ огонь. Словомъ, первыя минуты на джайлау не принадлежатъ къ числу особенно пріятныхъ; за то тотчасъ по водвореніи наступаетъ самое веселое и лучшее время жизни киргиза. Лошади, уже пачавшія поправляться въ степи, теперь окончательно входятъ въ тѣло. Трудно повѣрить, что эти жирныя красавицы съ лоснящеюся шерстью, длинными гривами и гордою поступью, суть тѣ же самыя лошади, которыя въ видѣ жалкихъ и сухощавыхъ клячъ еле дотащились до степей съ зимнихъ кочевокъ. Теперь наступаетъ время кумыса. Кромѣ кобылицъ и жеребятъ табунъ угоняется на лучшія пастбища; жеребята же остаются при аулахъ, привязанныя около юртъ. Дѣлается недоуздокъ изъ веревокъ, который и падѣвается на голову лошади; чтобы не терло морду, веревки обматываются тряпками. За такіе недоуздки животныхъ привязываютъ къ туго натянутымъ веревкамъ, зигзагообразно расположеннымъ около жилья (джили).

Кобылы пасутся по близости. Ихъ ежедневно доятъ и теперь кумысъ, какъ весною молоко, постоянно фигурируетъ за столомъ мало-мальски зажиточнаго человѣка. Съ утра до вечера дуетъ киргизъ кумысъ и, удовлетворяя имъ и голодъ и жажду, онъ мало въ это время употребляетъ другой пищи. Только ураза кладетъ нѣкоторый предѣлъ черезмѣрному кумысопитію, ведущему къ отучненію и разслабленію членовъ.

Но теперь и нѣтъ надобности въ дѣятельности. Полевыя работы окончились. Наемные работники сторожатъ посѣвъ; особыхъ работъ нѣту, если не считать стрижку овецъ и нехитрое дѣло приготовленія войлоковъ. Послѣдніе валяются слѣдующимъ образомъ. На плетенки изъ чія насыпается волосъ, поливаемый водою. Выровнявъ поверхность и придавъ нужную форму, чіевую плетенку свертываютъ трубкою, сильно уколачиваютъ и потомъ катаютъ попеременно свертывая и развертывая приборъ, пока волоса не слягутся въ плотный войлокъ, называемый кошмою. Смотря по величинѣ, такая кошма на мѣстѣ стоитъ отъ полутора и до 4 рублей. Кромѣ дѣланія кошемъ починяютъ платья, вьютъ веревки изъ конскаго волоса.

Но обыкновенно лѣто—это время визитовъ. Теперь ѣздятъ другъ къ другу въ гости, теперь устраиваютъ игры и увеселенія. Лѣтомъ то и дѣло слышишь о болѣе или менѣе богатыхъ свадьбахъ, устраиваемыхъ то тѣмъ, то другимъ изъ киргизовъ.

О свадебныхъ обрядахъ киргизъ писано много. Нѣсколько словъ о нихъ я скажу ниже, въ главѣ о татарскихъ вліяніяхъ въ степи. Теперь же посмотримъ какъ встрѣчаетъ хозяинъ пріѣхавшаго къ нему гостя изъ своихъ.

Хозяинъ, завидѣвъ знакомаго всадника, выѣзжаетъ къ нему на встрѣчу и провожаетъ до юрты, послѣ обычнаго селяма. Къ подъѣзжающему выбѣгаютъ джигиты или сыновья и помогаютъ слѣзть съ лошади, которую немедленно отводятъ и привязываютъ къ сосѣднему дому. Между тѣмъ вошедшаго гостя сажаютъ за почетное мѣсто. Жена разспрашиваетъ его о здоровьѣ, какъ личномъ, такъ и всей семьи, послѣ чего идетъ хлопотать объ угощеніи, тогда какъ хозяинъ переходитъ къ новостямъ дня, которыхъ жаждетъ услышать отъ пріѣхавшаго или не прочь сообщить самъ. До сплетенъ и новостей киргизы большіе охотники; всякая новость, какъ по телеграфу, облетаетъ всю степь и конечно нерѣдко искажается до неузнаваемости.

При большихъ съѣздахъ бываютъ джигитовки и борьба, но такими увеселеніями обыкновенно сопровождаются только свадьбы или поминки, о которыхъ ниже. Чаще же гость или играетъ или слушаетъ пѣніе и игру на балалайкѣ, отличающейся отъ нашей болѣе длинной шейкою. Стихи поются по большей части импровизированные, но на извѣстный мотивъ. Рѣже играютъ, въ тогузъ кумалакъ или смотрятъ на игры ребятишекъ. Карты мало по малу начинаютъ находить поклонниковъ и здѣсь.

Тогузъ-кумалакъ очень остроумная игра, заставляющая кир-

гизъ ломать голову не менѣе, чѣмъ у насъ шахматы. Въ переводѣ на русскій тогузъ кумалакъ значитъ девять катышковъ барапьяго помета — названіе прямо показывающее, что это изобрѣтеніе принадлежитъ исключительно кочевникамъ.

Это доска, параллелограммъ по формѣ, имѣющая по серединѣ двѣ большихъ ямы, справа и слѣва отъ которыхъ находится по 9 ямокъ меньшей величины. Передъ началомъ игры въ каждую изъ такихъ ямокъ насыпается по 9 шариковъ, вырѣзанныхъ изъ древесины Таволги, Джангала, или другаго твердаго дерева. Играющихъ двое. Каждый можетъ ходить только слѣва на право какъ по своимъ, такъ и по чужимъ ямкамъ.

Ходъ заключается въ томъ, что, взявъ содержимое одной изъ ямокъ, игрокъ долженъ разложить ихъ въ послѣдующихъ такъ, чтобы хоть въ одной изъ непріятельскихъ лункъ было четное число. Содержимое ямки съ нечетнымъ числомъ шариковъ забираетъ себѣ тотъ, которому съ послѣднимъ шарикомъ удается положить ихъ противнику, и кладетъ въ одну изъ центральныхъ лункъ, какъ выигрышъ.

Игра усложняется еще тѣмъ, что первая изъ непріятельскихъ лункъ, гдѣ, благодаря ходу противника, окажется 3 шарика, считается завоеванной, и всѣ шарики, которые въ нее попадаютъ, считаются его собственностью.

Игра кончается, когда одинъ изъ противниковъ лишится всѣхъ шаровъ, и выигравшимъ считается имѣющій ихъ наибольшее число.

Игра эта, требующая большаго напряженія памяти и смѣтливости, любима киргизами, хотя подобно шахматной имѣетъ лишь немногихъ хорошихъ игроковъ.

Изъ дѣтскихъ игръ наиболѣе заслуживаетъ вниманія видоизмѣненіе игры Акъ-терекъ, описанной Наливкинымъ у дѣтей Ферганской области.

Играющіе дѣлятся на двѣ партіи и, взявшись за руки, становятся другъ противъ друга. Каждая партія имѣетъ вожака. Поочередно они кричатъ: Ак-терекъ, Кокъ-терекъ. Биз-данъ, сиз-ге, кима-керекъ.

Противники называютъ одного изъ мальчиковъ. Тотъ бѣжитъ и старается оторвать у предводителя противниковъ нѣсколькихъ человѣкъ, разорвавъ цѣпь. Если ему это не удается, онъ къ нимъ присоединяется. Когда вожакъ останется безъ товарищей, игра кончается; на него нападаютъ всѣ остальные и задаютъ потасовку.

Бѣлая кость есть также дѣтская игра. Одинъ мальчикъ бро-

саетъ кость въ траву; другіе должны ее найти; нашедшаго преслѣдуютъ, пытаясь отнять, пока онъ не добѣжитъ до условленнаго мѣста, или не отдастъ кость бросившему.

Но безусловно, главнымъ развлеченіемъ является байга, т. е. скачка. Она устраивается по какому либо случаю.

Тутъ въ видѣ призовъ предлагаются иногда до 100 и болѣе лошадей. На бѣга высылаютъ лучшихъ скакуновъ киргизы не только сосѣднихъ волостей, но даже и уѣздовъ.

Такъ напримѣръ на байгу, устроенную по случаю смерти сергіопольскаго киргиза Сулеймана, собрались киргизы 3-хъ уѣздовъ.

Бѣга долго потомъ служатъ темою для разговоровъ визитирующихъ другъ у друга киргизъ.

Но наступаетъ августъ. Чаще выпадаетъ снѣгъ на горахъ, и холодные вѣтры съ дождемъ дѣлаютъ пребываніе на джайлау непріятнымъ. Луга съѣдены или потоптаны. Урусы давно кончаютъ жатву, пора опять за работу; надо спускаться внизъ къ хлѣбамъ, гдѣ остались караульщики. Происходитъ 3-я перекочевка изъ горъ въ степи.

Тутъ давнымъ давно уже отросли полыни и ебелекъ Cnatocarpus arenarius, столь любимый лошадьми. Сизымъ или желто-бурымъ моремъ раскинулись долины Копа, Карой, Курту, предгорья Андракая, степи пріилійскія. Сюда направляютъ свои отъѣвшіяся табуны киргизы; сюда же гонятъ они верблюдовъ и барановъ. Мертвенная дотолѣ степь оживляется массою ауловъ; всюду слышится ржаніе лошадей, блеяніе барановъ. Въ это время подкочевываютъ близко къ русскимъ поселкамъ, такъ какъ, согласно распоряженію Кауфмана, киргизы имѣютъ право пользоваться подъ покосъ сжатыми нивами русскихъ поселенцевъ, рѣдко гдѣ сѣющихъ озимые хлѣба.

На киргизскихъ поляхъ закипаетъ работа. Торопятся сжать пшеницу (нѣкоторые спеціально ѣздятъ жать ее въ іюлѣ) и главное—просо.

Тутъ же на мѣстѣ ихъ и перемолачиваютъ. Около врытаго въ землю столба набрасываются снопы, по нимъ гоняютъ привязанныхъ къ столбу за веревку лошадей и подъ ихъ копытами, какъ подъ цѣпами, вылетаютъ зерна изъ колосьевъ.

Въ надѣланные за лѣто капы (мѣшки), сплетенные изъ волосъ лошадей или кендыря (Apocynum venetum — прядильнаго дикорастущаго вида, дающаго волокна лучше коноплянныхъ) насыпаютъ зерна и везутъ ихъ въ аулъ на лошадяхъ.

Войдите въ это время въ юрту. Въ ней почти не видать утвари; груды мѣшковъ заполняютъ все пространство. Это запасы зерна на

цѣлый годъ. Киргизъ, сидѣвшій лѣто на молокѣ, теперь становится зерноѣднымъ.

Изъ перемолотой (большею частью у русскихъ) муки на бараньемъ салѣ жарится въ казанѣ такъ называемый боурсакъ. Чтобы приготовить его, валяютъ изъ муки длинныя колбасики и, разрѣзавши ихъ на кусочки, поджариваютъ на огнѣ.

Теперь же, сваривъ въ котлѣ просяное зерно и поджаривъ, толкутъ его въ ступѣ и ѣдятъ то прямо, то, сваривъ кашицу.

Иногда вторично стригутъ барановъ, дѣлаютъ кошмы; собираютъ длинную солому чія. Доеніе кобылъ постепенно прекращается, а вмѣстѣ съ тѣмъ наступаютъ и холода, заставляющіе подумать о четвертой и послѣдней кочевкѣ на зимовку.

Эту послѣднюю фазу кочевой жизни киргиза мнѣ пришлось видѣть только мелькомъ и то не въ предѣлахъ Семирѣченской области. Но въ виду того, что ее почему-то въ своихъ описаніяхъ всегда игнорируютъ путешественники, я позволю себѣ все-таки описать здѣсь, пополнивъ данными, любезно сообщенными мнѣ Б. С. Сыртановымъ.

Устраиваясь на зимовкѣ, киргизъ первымъ дѣломъ заботится о томъ, чтобы по возможности защитить ее отъ холода. Юрта ставится въ тепломъ ущельи подъ защитою скалъ въ предгоріяхъ съ высокою травою. Она огораживается полукруглою каменною стѣною, иногда превышающею человѣческій ростъ.

Устанавливая юрту на зиму, вкапываютъ ея стѣны глубоко въ землю. Чтобы внѣшній воздухъ проникалъ по возможности медленнѣе, кошмы, которыми устланъ полъ, располагаютъ такъ, чтобы онѣ, заворачиваясь своими краями, образовали около стѣнъ двойной слой войлока. Теперь киргизъ устраивается на осѣдлую ногу. Во внутренности юрты господствуетъ большой порядокъ и симметрія.

Прямо противъ входа въ глубинѣ (ессикъ) у стѣны высокою пирамидою разставлены пестрые ягтаны и сундуки, справа, а иногда и слѣва отъ этой пирамиды развѣшиваются по стѣнамъ вышитыя кошмы (рѣже ковры), подъ защитою которыхъ ставятъ постели. Такимъ образомъ, украшенное мѣсто зовется тусъ-киçъ. Казанъ остается по серединѣ. Справа отъ входа (тöръ) располагаются отдѣленныя загородкою изъ чія кухонныя принадлежности. Слѣва остается свободное мѣсто, куда во время сильныхъ холодовъ ставятъ жеребятъ и телятъ.

Вообще въ это время юрта содержитъ на лицо все богатство киргиза. Нерѣдко болѣе цѣнныя вещи на лѣто оставляются на

сохраненіе у знакомыхъ казаковъ (русскихъ), позднею же осенью ихъ берутъ обратно и выставляютъ въ юрту.

Въ самое послѣднее время нѣкоторые зажиточные киргизы начинаютъ устраивать себѣ на зиму избушки. Покуда однако это еще рѣдкость; но по всему видно, что въ зависимости отъ увеличивающагося земледѣлія начнутся и зачатки осѣдлости, хотя они еще не скоро, конечно, достигнутъ той фазы развитія, какую мы видѣли 6 лѣтъ тому назадъ на Алтаѣ въ деревнѣ Коксу, гдѣ кромѣ бронзоваго цвѣта лица ничто не отличало киргизскихъ ея жителей отъ сосѣднихъ крестьянъ-каменьщиковъ селенія Уймона.

Соотвѣтственно обстановкѣ измѣняется, у зажиточныхъ семействъ, по крайней мѣрѣ, и пища киргиза [1]). Мы видѣли, что весною и лѣтомъ онъ питался главнымъ образомъ молочною пищею; осенью ее все болѣе и болѣе вытѣсняла хлѣбная; зимою на первый планъ выступаетъ мясо.

Весною барановъ рѣжутъ весьма неохотно; лѣтомъ—только въ особенно торжественныхъ случаяхъ, въ будни же убивать ихъ избѣгаютъ, такъ какъ мясо легко портится и загниваетъ отъ жары. Иное дѣло зимою; тутъ можно рискнуть зарѣзать и жеребенка, и корову, и взрослаго барана. Животныхъ рѣжутъ, вонзая ножъ между 1 и 2 позвонкомъ со словами бисмилля эрахмапъ рахымъ.—(во имя Бога милостиваго и милосерднаго) и затѣмъ сразу отсѣкаютъ голову, говоря Аллахъ акъ-баръ.

Такъ какъ мучить животныхъ, по словамъ киргизъ, у нихъ считается за великій грѣхъ, то болѣе фанатичные изъ нихъ весьма неохотно ѣдятъ мясо у русскихъ, основываясь на томъ, что животное, зарѣзанное по русскому способу, мучается передъ смертью, истекая кровью.

Часть мяса съѣдается немедленно или въ видѣ вареное мяса, которое запивается бульономъ (сорпа), или же изъ него жарится ковардакъ (куски мяса въ салѣ) или приготовляется съ рисомъ палау или бишъ бармакъ, описываемыя всѣми рѣшительно путе-

---

[1]) Странно что Зеландъ ничего не говоритъ объ этой перемѣнѣ въ характерѣ пищи съ наступленіемъ зимы. Между тѣмъ она не только является у всѣхъ Тянь-Шанскихъ киргизъ обыденнымъ явленіемъ, но даже о разницѣ этой упоминается въ произведеніяхъ народной литературы, напр. въ поэмѣ кара киргизъ—„Тостюкъ“ прямо встрѣчаемъ стихъ:

„Не давали зимой мяса;
Скупились лѣтомъ молокомъ.

Радловъ. Proben der Volkslitteratur der nördlichen Türkischen Stämme V. Theil.

шественниками. Остальное вѣшается надъ чангракомъ и коптится въ дыму очага. Такое копченое мясо считается особенно лакомымъ блюдомъ и многими даже предпочитается колбасѣ (казы), дѣлаемой изъ конскаго мяса.

Если прибавить къ мяснымъ значительную часть мучныхъ блюдъ остальнаго времени года, то нельзя не согласиться, что зимою пища киргиза наиболѣе разнообразна и питательна.

Зато зимою обстановка гораздо хуже, чѣмъ лѣтомъ. Животныя, оставляемыя въ плохо провѣтриваемой юртѣ, портятъ воздухъ. Несмотря на постоянно горящій очагъ, царствуетъ такой холодъ въ юртѣ, что невозможно снять шубы. Люди тѣснятся у огня. Ребятишки, одѣтые въ одни полушубки, часто на голое тѣло или на рубашку безъ штановъ, грѣютъ у огня замерзшіе члены, пока они не покроются красными пятнами и тѣло не станетъ, какъ они сами говорятъ, похожимъ на ситецъ.

Потомъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, бѣгутъ они на морозъ, и надо только удивляться, какъ только не страдаетъ этотъ народъ ревматизмомъ при подобномъ образѣ жизни.

Тяжелую и непріятную работу женщины зимою составляетъ сбираніе хвороста для топлива. Во многихъ мѣстахъ близъ зимовокъ онъ совершенно почти истребленъ; приходится ѣздить далеко, что при вьюгѣ не особенно пріятно. Многіе запасаютъ на зиму сухой пометъ—(бараній тезекъ) но запасовъ этихъ на всю зиму не всегда хватаетъ. Зимою, какъ мы уже говорили, заняты вышиваніемъ жалюзи изъ чія, починкою платья. Семья преимущественно сидитъ дома. Заметенная снѣгомъ юрта, полная дыму, съ висящими кусками мяса у потолка, съ полунагами грѣющимися у огня ребятишками, переноситъ фантазію въ гиперборейскія страны, въ область Самоѣдовъ и Лопарей, заставляетъ забывать, что имѣешь дѣло съ сынами юга, происхожденіе которыхъ сказывается въ сказкахъ и загадкахъ, до которыхъ такіе охотники киргизы и которыми они коротаютъ длинные зимніе вечера, изощряя свою находчивость и остроуміе.

Сопоставляя образъ жизни и занятія Семирѣченскихъ киргизъ во всѣ четыре времени года, нельзя не сознаться, что они скорѣе гиперборейцы, нежели жители теплыхъ странъ. Зимою на своей зимовкѣ, весною на степномъ вѣтрѣ, лѣтомъ на джайлау—постоянно приходится киргизу мерзнуть И лѣтомъ и въ зимнюю пору не снимаетъ онъ шубы. Онъ терпѣливъ къ холоду, но, къ моему изумленію, не выноситъ жару. Никто въ моемъ отрядѣ не раскисалъ такъ скоро

въ жаркіе лѣтніе дни, какъ киргизы, и русскій казакъ—сѣверянинъ по происхожденію—во сто разъ лучше выдерживаетъ азіатскую жару, нежели уроженецъ степи—киргизъ.

Но съ другой стороны эти условія жизни не остались безъ вліянія и на складъ характера народа. Приближаясь по типу болѣе къ калмыкамъ, имѣя, за извѣстными исключеніями, вообще гораздо болѣе монгольскій habitus чѣмъ ихъ юго-западные сосѣди, киргизы Семирѣченскіе производятъ впечатлѣніе парода несравненно болѣе энергичнаго, нежели напр. Сарты. Если dolce far niente и есть pia desideria большинства изъ нихъ, то это есть скорѣе слѣдствіе отсутствія нужды при малыхъ потребностяхъ, чѣмъ врожденная апатія. Киргизъ подобенъ почвѣ, его питающей: по виду это безплодная пустыня; но съумѣйте ее вызвать къ жизни, и вы удивитесь ея плодородію.

Кочевая жизнь, постоянная борьба племенъ между собою, разнообразныя картина природы—степной и горной, среди которыхъ онъ поперемѣнно находится, отразились на впечатлительной и живой его натурѣ.

Онъ любознателенъ, охотникъ до новостей; готовъ на какія угодно путешествія, если только безопасность его гарантирована; онъ находчивъ и сообразителенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ лукавъ и хитеръ. Я вполнѣ согласенъ съ г. Зеландомъ, что характеръ киргиза, всегда оживленный и веселый, незлопамятный, съ оптимистическимъ воззрѣніемъ на жизнь, умѣніемъ довольствоваться тѣмъ, что имѣетъ, принадлежитъ при простодушіи, гостепріимствѣ кочевника къ числу самыхъ симпатичныхъ. Я точно также могу согласиться съ нимъ, что онъ вѣренъ своему слову и честенъ—съ точки зрѣнія честности кочевника.

Я боюсь, что эти два послѣднія мои замѣчанія вызовутъ противъ меня цѣлую бурю со стороны тѣхъ, которые путемъ практики путешествій по средней Азіи убѣдились въ совершенно противуположномъ.

Кто не слыхалъ разсказовъ о поразительныхъ случаяхъ криводушія и лжи, воровства и конокрадства у киргизъ? Кто не жаловался на ихъ безтолковость, лѣность и трусливость?

Въ храбрости киргизъ я не имѣлъ случая убѣдиться. Но остальныя нападки мнѣ кажутся далеко несправедливыми. Мнѣ кажется, что онѣ являются скорѣе слѣдствіемъ ложнаго положенія, въ которомъ находится путешественникъ по отношенію къ туземцу, нежели проистекаютъ отъ мелкихъ недостатковъ этихъ послѣднихъ.

Киргизъ всегда не прочь надуть, обмануть, воспользоваться правомъ сильнаго и обобрать болѣе слабаго, взять съ него что либо. Но это уже слѣдствіе дикости и неразвитности массы и качество присущее большинству народовъ этой степени культуры. Киргизъ только смѣтливѣе и рѣшительнѣе собратовъ и потому поступки его больше кидаются въ глаза. Онъ непрямъ и уличенный на мѣстѣ преступленія моментально придумаетъ себѣ оправданіе, предпочтетъ самую невѣроятную ложь чисто сердечному признанію. Но онъ никоимъ образомъ не воръ и, если воровствомъ и занимаются нѣкоторые изъ степняковъ, то число воровъ у нихъ не больше, чѣмъ у русскихъ и, скажу, даже меньше.

Съ воровствомъ однако не слѣдуетъ смѣшивать конокрадство; ибо оно въ глазахъ киргиза не составляетъ преступленія. Лошади и бараны, это—богатство и слава семьи; но богатству этому можетъ положить конецъ первый голодный годъ, первый скотскій падежъ. Это не есть прочный, постоянный капиталъ. Воруя лошадей, отбивая табунъ у сосѣда, киргизъ рискуетъ собою, ставитъ на карту жизнь; это родъ азартной игры, въ которую, какъ въ банкъ, можно въ одинъ день проиграть и выиграть цѣлое состояніе. Проигравшій однако не теряетъ всего; онъ не совсѣмъ погибшій человѣкъ. У него остаются средства къ жизни, и отъ находчивости его зависитъ вновь стольже скоро сдѣлаться богачемъ. Это внѣшнее богатство поочередно переходило изъ рукъ въ руки, и распредѣленіе состояній въ сущности являлось и равномѣрнымъ и, если хотите, справедливымъ; такъ какъ отбивавшій табунъ трудился чуть ли не больше, чѣмъ тотъ, кому кобылицы народили табуны лошадей.

Если киргизы въ какомъ либо отношеніи недовольны русскими порядками, то именно тѣмъ, что наши законы положили предѣлъ уравненію состояній. Табуны остались за тѣми, кто послѣдній ихъ захватилъ; онъ можетъ теперь спокойно жить подъ охраною русскаго закона; молодые и доблестные мужи, нѣсколько ранѣе могшіе себѣ не только своею отважностью составить состояніе, но и прослыть героями, теперь принуждены жить въ нищетѣ, обработывая землю или поступая въ батраки и сторожа хлѣбныхъ полей.

Это поколѣніе попробовало было воровать у русскихъ, но законъ, по которому за каждаго украденнаго коня сосѣдняя волость обязана заплатить ея владѣльцу девять, сразу положилъ конецъ всякимъ попыткамъ къ воровству. Если и существуютъ покражи лошадей, то другъ у друга— у русскихъ же воруютъ рѣдко и го-

раздо чаще попавшую въ аулъ русскую лошадь берегутъ какъ зеницу ока.

Что же касается до вещей неодушевленныхъ, то если въ степи и нѣтъ той честности, что въ Финляндіи, то во всякомъ случаѣ она и не ниже, чѣмъ въ Россіи и во многихъ случаяхъ смѣло можно положиться на киргиза.

Мнѣ кажется, что впечатлѣніе воровъ и мазуриковъ киргизы производятъ на путешественниковъ главнымъ образомъ потому, что послѣдніе имѣютъ дѣло всегда съ самою испорченною, вкусившею ложной цивилизаціи частью населенія—съ делегатами уѣздныхъ правленій и такъ называемыхъ „почетныхъ“ киргизъ, съ оффиціальными переводчиками, которые въ большинствѣ случаевъ мошенники ex professo. На эти должности многіе порядочные киргизы не идутъ вовсе, такъ какъ должности эти связаны со многими соблазнами и подкупомъ. Умышленно запутывая ради своихъ выгодъ отношенія, они являются источниками недоразумѣній между туземцами и русскими. Благодаря имъ, дѣйствительно нерѣдко отъ туземца не добьешся слова истины, и онъ будетъ вамъ лгать и надувать васъ на каждомъ шагу. Но вникните въ суть дѣла и вы убѣдитесь, что поступки эти говорятъ только въ пользу смѣтливости дикаря и что даже и при болѣе гуманномъ обращеніи онъ вправѣ поступать такимъ образомъ.

Пріѣздъ русскаго тюре въ аулъ для населенія глухой степи или горнаго ущелья есть явленіе необычное. Если принять во вниманіе, что въ глазахъ киргиза тюре будетъ тотъ, кто носитъ партикулярное или военное—словомъ не крестьянское платье, если вспомнить какого рода тюре бываютъ на нашихъ далекихъ окраинахъ, то не будетъ особенно странно, что киргизъ въ душѣ, по крайней мѣрѣ, не особенно обрадуется подобному визиту.

Достаточно повторить всѣмъ извѣстный въ Семирѣчьи и приводимый г. Никольскимъ случай, какъ переодѣтый казакъ съ листкомъ областныхъ вѣдомостей въ рукахъ собралъ подать въ пользу своего кармана въ размѣрѣ нѣсколькихъ тысячъ, чтобы понять, что могутъ продѣлать съ кочевниками такіе тюре тамъ, гдѣ еще недавно, къ счастію, примѣрно наказанное административное лицо пользовалось jure primae noctis у всѣхъ хорошенькихъ киргизокъ.

Неудивительно поэтому, что разъ появится на горизонтѣ тюре, главное богатство киргиза—лошади и верблюды, а кое-гдѣ у каракиргизъ и женщины прячутся съ глазъ долой.

Немедленно изъ аула посылается гонецъ къ табунщику и че-

резъ какой нибудь часъ и лошади и верблюды исчезаютъ невѣдомо куда, кромѣ двухъ-трехъ хромыхъ кобылъ, которыя будто бы и составляютъ единственное достояніе бѣднаго аула. И только тогда, когда населеніе убѣдится въ полнѣйшей безопасности, нивѣсть откуда являются опять и женщины, ведущія подъ уздцы верблюдовъ и табуны.

Понятно, что при этой сумятицѣ, если еще джигиты или казаки подадутъ еще какой нибудь поводъ ожидать дурныхъ послѣдствій вашего визита, населеніе почтетъ своимъ долгомъ на любой вашъ вопросъ отвѣтить такъ, чтобы онъ былъ возможно далѣе отъ истины. Поневолѣ приходится впередъ посылать джигитовъ съ предписаніями, которые, захвативъ табунъ еще на мѣстѣ, согласно предписаніямъ берутъ вьючныхъ животныхъ и вожаковъ. Въ этомъ случаѣ киргизы всегда послушны бумагѣ; они большіе законники и никогда, ежедневно почти мѣняя лошадей и вожатыхъ, у меня не было случая недоразумѣнія по поводу лошадей, желанія увильнуть отъ непріятной повинности.

Но кто бы вы ни были, чиновникъ или хохолъ, казакъ или татаринъ—тюре или байгушъ, вы встрѣтите хорошій пріемъ въ юртѣ киргиза; васъ угостятъ всѣмъ, чѣмъ можно и если на лицо ничего нѣтъ, достанутъ изъ сосѣдняго аула.

Я самъ былъ свидѣтелемъ какъ 6 мужиковъ пришли въ юрту бѣднаго киргиза и немедленно стали просить кумысу. Кумыса у хозяина не было; его однако послали версты за 3 къ сосѣду и онъ вернулся отъ него съ полнымъ торсукомъ; крестьяне эти не были ему знакомы и видѣли его въ первый разъ.

Нечего и говорить, что о вознагражденіи никогда не бываетъ и рѣчи.

Разъ киргизъ убѣдится, что ему ничего не угрожаетъ непріятнаго, онъ всегда охотно дастъ толковый и точный отвѣтъ.

При веселомъ и уживчивомъ нравѣ, постоянно болтливый и оживленный, киргизъ еще совершенный ребенокъ — дитя природы во многихъ отношеніяхъ. Относясь къ нему съ этой точки зрѣнія, можно избѣгнуть всякаго недоразумѣнія. Съ нимъ отнюдь нельзя допускать фамильярности—иначе она будетъ принята за слабость и послужитъ поводомъ къ нахальству или обману, по меньшей мѣрѣ эксплоатаціи.

Этимъ я однако вовсе не хочу сказать, чтобы киргизы требовали строгаго и суроваго обращенія, которое проповѣдуютъ многіе путешественники. При твердости и умѣломъ обхожденіи никогда

не приходится пускать въ ходъ нагайку, столь любимую у насъ на Востокѣ, и это скорѣе недоразумѣніе, вызванное самими путешественниками; туземцы, прекрасно знающіе силу нашихъ законовъ, вовсе не вынуждаютъ прибѣгать къ этому гнусному орудію [1]).

Безъ повода со стороны вашей, при знаніи условій степи и ея жизни, я опять повторяю, не приходится имѣть дѣло съ этимъ орудіемъ; по обыкновенно знаніе мѣстныхъ условій никогда не бываютъ настолько велико, чтобы путешественники лишили себя удовольствія самовольной расправы, тѣмъ болѣе, что расправа подобнаго рода съ одной стороны сразу кладетъ конецъ выходкамъ зазнавшагося или непокорнаго субъекта, съ другой же стороны сходитъ обыкновенно безнаказанно, такъ какъ киргизъ, не обладая злопамятствомъ татарина, нерѣдко на другой же день послѣ порки является вашимъ другомъ и пріятелемъ.

Это обстоятельство, вѣроятно, и дѣлаетъ поступки нашихъ „цивилизаторовъ“ далеко не похожими на тѣ, какихъ можно бы было ждать отъ представителей гуманнаго и просвѣщеннаго Запада.

Но я отклонился нѣсколько въ сторону отъ характеристики племени.

Не смотря на указанные взгляды на честность, киргизъ твердо держитъ данное слово, большею частію честенъ въ денежныхъ сдѣлкахъ — и я не слыхалъ отъ мѣстныхъ обывателей, державшихъ у себя въ услуженіи киргизъ, жалобъ на нечестность; напротивъ, киргизъ слуга привязывается къ своему хозяину, которому служилъ долго. Только слабость въ обращеніи ведетъ иногда къ злоупотребленіямъ.

Поэтому болѣе крупными недостатками народа я считаю его мелочное честолюбіе, властолюбіе, хвастовство и страсть къ преувеличеніямъ и сплетнямъ, при стремленіи возможно большую часть времени, если только позволятъ обстоятельства, проводить въ dolce far niente.

Эти-то качества и являются причиною цѣлаго ряда печальныхъ явленій, замѣчаемыхъ въ народѣ.

Будучи патріотомъ, имѣя національное сознаніе и гордость, любя свое киргизское и не отрекаясь отъ него нигдѣ, киргизы тѣмъ не менѣе между собою находятся въ постоянныхъ ссорахъ.

---

[1]) Я видалъ въ степи киргизъ, которые именно вслѣдствіе черезчуръ частой нагаечной практики надъ ними такъ же испортились, какъ портятся забитые дѣти отъ слишкомъ частыхъ тѣлесныхъ наказаній.

Киргизы двухъ сосѣднихъ уѣздовъ, не говоря уже о киргизахъ, и кара-киргизахъ, находятся, не смотря на объединяющее дѣйствіе русскаго законодательства, все еще въ довольно враждебныхъ отношеніяхъ. Широкія пространства прекрасныхъ пастбищъ нерѣдко отдѣляютъ крайнія кочевки киргизъ-казаковъ отъ кара-киргизъ, или киргизъ Вѣрненскихъ отъ Семипалатинскихъ, и никто не рѣшается пасти свой скотъ на этихъ пастбищахъ, изъ опасенія, что его немедленно угонятъ сосѣди. Киргизы джаркентскіе напр. весьма неохотно ѣдутъ одни къ кара-киргизамъ иссыкъ-кульскимъ, такъ какъ имъ всегда угрожаетъ опасность быть ограбленными этими послѣдними и наоборотъ, не смотря на то, что между ними нерѣдки брачные союзы.

Ни одинъ выборъ должностнаго лица изъ киргизъ, какъ напр. пятидесятника, волостного управителя, большею частію не обходится безъ подкуповъ, и мѣсто, обошедшееся иногда очень дорого, счастливый обладатель его старается окупить, пользуясь всякимъ случаемъ пополнить свои карманы. А подобныхъ случаевъ какъ при сборѣ податей, такъ и при массѣ другихъ отношеній къ населенію — множество. Но иногда человѣкъ, болѣе честный, исключительно ради честолюбія, разоряется и дѣлаетъ всевозможныя гадости своему предшественнику только, чтобы получить его мѣсто. Кандидаты волостныхъ управителей особенно отличаются въ этомъ отношеніи, стараясь какъ нибудь спихнуть старшину. Знаки отличія также очень цѣнятся населеніемъ, равно какъ и все то, что даетъ какой нибудь поводъ похвастаться передъ кругомъ слушателей своими подвигами, или знаніями.

Играя на этой струнѣ народа, въ послѣдніе годы со времени прихода русскихъ, татарамъ удалось сдѣлать громадные успѣхи въ дѣлѣ насажденія казанской культуры среди населенія; они грозятъ въ будущемъ сдѣлать киргизъ совершенно татарами.

Недавно еще киргизы, погруженные въ баранту и междоусобія между племенами, не могли и думать о грамотности. Ученый мулла былъ между ними рѣдкостью. Сами они магометанами были только по имени, и сами русскіе, вообразивъ ихъ таковыми, своимъ обращеніемъ содѣйствовали утвержденію ислама.

Чуждый доселѣ фанатизма, киргизъ однако, какъ и естественно ожидать, началъ совершенствоваться въ пониманіи догматовъ своей религіи, и широкій путь въ этомъ направленіи ему немедленно открылся, какъ только край былъ умиротворенъ настолько, что кровопролитныя стычки стали немыслимы. Обратившееся къ

мирнымъ занятіямъ населеніе стало думать о наукѣ, и татарская грамота и связанныя съ нею суевѣрія, съ необыкновенною быстротою вытѣсняя суевѣрія туземныя, стали дѣлать быстрые успѣхи въ степи, дѣлая киргиза и по складу и по воззрѣніямъ схожимъ съ татариномъ, котораго онъ, слѣдуя преданіямъ, и называетъ своимъ старшимъ братомъ.

Побывшій хотя немного въ ученіи киргизъ становится необыкновенно высокаго о себѣ мнѣнія; онъ старается повсюду показать передъ другими свои познанія и пристыдить невѣжество сверстниковъ.

Онъ уже болѣе фанатиченъ, чуждается русскихъ обычаевъ и теряетъ многія симпатичныя черты своихъ менѣе ученыхъ сотоварищей.

Но всѣ окружающіе его, завидуя его познаніямъ, желаютъ сами получить ихъ еще въ большей степени.

Отецъ, который, слѣдуя шаріату, обязанъ дать своему сыну хорошее воспитаніе и по возможности обезпечить его, подчиняясь неотступнымъ просьбамъ, а иногда и по личной иниціативѣ отдаетъ его въ обученіе къ муллѣ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, подобнымъ муллою бываетъ грамотный казанскій татаринъ или сартъ, набѣдокурившій въ городѣ и принужденный бѣжать отъ преслѣдованія въ степь. Скрывшись въ средѣ киргизъ, онъ можетъ считать себя въ безопасности. Такого рода проходимецъ снискиваетъ себѣ пропитаніе въ степи, обучая ребятъ и получая за то какъ денежное вознагражденіе, такъ и столъ и кровъ у ихъ родителей. Понятная вещь, что онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы сдѣлать курсъ обученія возможно болѣе длиннымъ, и проходитъ нерѣдко болѣе года прежде чѣмъ мальчики, вообще говоря, весьма способные, усвоютъ себѣ кое-какъ процедуру чтенія. Собирая по нѣскольку ребятишекъ вмѣстѣ, такой мулла устраиваетъ кочующую школку, которая и слѣдуетъ за движеніями аула.

Система преподаванія обыкновенно слѣдующая: сначала изучаютъ арабскій алфавитъ, начертаніе и наименованіе буквъ, число точекъ присущихъ той или другой буквѣ. Затѣмъ заучивается значеніе другихъ знаковъ, ставящихся надъ буквою и замѣняющихъ гласныя. Все это дѣлается въ зубряжку въ такомъ родѣ: Элифъ съ астыномъ — сверху а — алифъ съ истыномъ и, элифъ съ запятой у, би съ астыномъ ба, би съ истыномъ би, би съ запятой бу и т. д.

Затѣмъ затверживаются значенія другихъ знаковъ.

Какъ должны ломать языкъ дѣти, можно видѣть изъ примѣра: Вмѣсто того, чтобы объяснить, что двѣ черточки, ставящіяся надъ или подъ буквою, означаютъ, что ее надо произносить такъ, какъ будто за нею стоитъ слогъ анъ, инъ, или унъ, смотря по тому сверху или снизу стоятъ эти черточки и есть ли при нихъ запятыя, учитель заставляетъ говорить скороговоркою алифъ иксунъ анъ, алифъ иксунъ анъ алифъ икстур бан би к'иксунъ банъ, би иксунъ апъ би икстуръ банъ и т. д. до конца алфавита.

Дѣти учатся долго и безъ всякаго пониманія, всѣ въ слухъ перекрикивая другъ друга, почему магометанская школка похожа на жужжащій улей пчелъ [1]).

Когда наконецъ алфавитъ со всѣми астынами и истынами заученъ — приступаютъ къ чтенію.

Оно идетъ также страшно медленно: ученикъ долженъ, прежде чѣмъ произнести слогъ или сложить слово, произнести всю тарабарщину, присущую каждой буквѣ. Въ виду того, что молитвы, которыя составляютъ предметъ чтенія послѣ азбуки, затверживаются по строчкамъ, вѣрнѣе предположить, что ребенокъ скорѣе запоминаетъ ихъ наизустъ, чѣмъ выучивается читать. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что мнѣ приходилось самому видѣть киргизъ, бѣгло читавшихъ знакомыя мѣста, но затруднявшихся разбирать новыя страницы.

Обученіе въ громадномъ большинствѣ случаевъ ограничивается чтеніемъ. Заучиваютъ заупокойныя молитвы, молитвы о болящихъ, свадебныя. Потомъ изучаютъ книгу гафтіакъ, за нею лучшіе грамотѣи переходятъ къ корану. Всѣ эти книги написаны на арабскомъ языкѣ, непонятномъ для большинства учениковъ, а зачастую и для учителя. Изъ извѣстныхъ мнѣ грамотѣевъ никто не могъ мнѣ, какъ слѣдуетъ, перевести прочитаннаго. Хорошіе чтецы читаютъ книги свои на распѣвъ, т. е. точь въ точь какъ у насъ читаютъ псалтырь, роль котораго у киргизъ во всѣхъ отношеніяхъ играетъ гафтіакъ. Книги свѣтскаго содержанія пока еще мало распространены въ средѣ киргизъ. Изрѣдка однако попадаются казанскія изданія на татарскомъ языкѣ, еще рѣже самаркандскія житія и бухарскія книги.

---

[1]) Подобное же впечатлѣніе производили на меня младшіе классы бухарскихъ мадрэссе. Жужжаніе учениковъ, вылетавшее изъ открытыхъ оконъ, слышалось за много шаговъ до училища.

Изъ произведеній киргизскихъ особенно интересны и пользуются популярностью книги: Бозъ джигитъ. Таргынакъ-батыръ. Кози курпышъ-боянды. Попадается нѣчто въ родѣ историческихъ разсказовъ, гдѣ историческія событія перемѣшаны съ самыми невѣроятными легендами. Эта своего рода лубочная татарская литература — слабое подобіе нашей московской—заслуживаетъ большаго вниманія и подробнаго изученія. Къ несчастью, большинству русскихъ она совершенно неизвѣстна.

Научившійся читать киргизъ уже зовется муллою. Гораздо рѣже онъ научается читать и считать. Вмѣстѣ съ грамотностью онъ усваиваетъ отъ своего учителя множество предразсудковъ, пріобрѣтаетъ большую долю фанатизма, отвращеніе отъ христіанскихъ и русскихъ обычаевъ и громадное самомнѣніе.

Грамотный киргизъ въ русскомъ поселкѣ держитъ себя совершенно иначе. Подобно еврею, особенно въ обществѣ своихъ, онъ считаетъ за грѣхъ ѣсть мясо, если животное зарѣзано не магометанскою рукою. Онъ не только не ѣстъ, какъ и всякій другой киргизъ, свинины; онъ чуждается русскаго жилья, боится въ немъ бывать, потому что по близости ходитъ чушка, что его могутъ угостить водою изъ арыка, изъ котораго пило это животное. Нечего и говорить, что къ духовенству нашему такіе субъекты симпатіи особенной не питаютъ. Впрочемъ этимъ до сихъ поръ только и проявляется фанатизмъ киргизскаго муллы, и къ чести населенія надо сказать, что въ краю здѣшнемъ крестъ и полумѣсяцъ живутъ въ такомъ мирѣ, о какомъ не можетъ и мечтать западная Европа.

Но такъ или иначе, однако культура, вносимая въ степь татарскими просвѣтителями, не принадлежитъ къ числу блестящихъ и особенно удобныхъ для русскихъ интересовъ. Между тѣмъ, мы русскіе дѣлаемъ до сихъ поръ еще очень мало для измѣненія порядка вещей въ степяхъ.

Все, что сдѣлано до сихъ поръ на киргизскія суммы, собираемыя съ народа на его образованіе, это учрежденіе въ Вѣрномъ, Копалѣ и Караколѣ пансіоновъ, гдѣ обучаютъ киргизъ русскому языку и вообще даютъ образованіе такое, послѣ котораго съ грѣхомъ пополамъ можно поступить въ гимназію. Но въ пансіонахъ этихъ не обучаютъ киргизской грамотности. Сколько киргизъ ежегодно обращаются съ просьбою помѣстить сына въ подобный пансіонъ, но всегда, узнавая, что здѣсь дѣтей не учатъ читать по арабски, отказываются, предвидя, что сынъ будетъ оторванъ отъ всего своего и что при всѣхъ его знаніяхъ русскихъ наукъ, онъ

будетъ невѣждою въ области знаній, распространенныхъ и уважаемыхъ въ степи.

Киргизскіе муллы отвесутся къ нему съ презрѣніемъ и товарищи всегда отзовутся о немъ, какъ о человѣкѣ, ничего путнаго не знающемъ. Такого мнѣнія они не только о пансіонерахъ, но и о гимназистахъ.

Такимъ образомъ пансіоны ни коимъ образомъ не служатъ разсадникомъ просвѣщенія по степи. Сюда отдаетъ дѣтей только бѣднякъ, которому некуда ихъ дѣвать. Единственный исходъ такому пансіонеру это идти въ переводчики; такъ направляетъ ихъ и пансіонъ. Немногіе поступаютъ въ гимназію, гдѣ нерѣдко не только не уступаютъ русскимъ въ успѣхахъ, но нерѣдко и превосходятъ послѣднихъ, особенно по математикѣ.

Но это уже люди, оторванные отъ степи. Въ средѣ же степныхъ грамотѣевъ — читающій по русски есть величайшая рѣдкость, пишущихъ нѣтъ почти вовсе. Между тѣмъ 25% вѣрненскихъ киргизъ читаетъ по арабски. Хотя часть киргизскихъ денегъ, говорятъ, идетъ на поддержку русскихъ школъ, въ виду того, что онѣ посѣщаются и киргизами, однако число учениковъ изъ туземцевъ крайне не велико и отдаютъ туда они въ высшей степени неохотно, почему—это будетъ видно изъ разсмотрѣнія взаимныхъ отношеній различныхъ національностей степи.

Всѣ эти явленія весьма грустны, особенно въ виду желанія киргизъ получать образованіе и настоятельной потребности болѣе близкаго знакомства съ русскою культурою. Между тѣмъ помочь бѣдѣ было бы очень легко, открывши курсы киргизской грамотности при имѣющихся пансіонахъ и давъ хрестоматію на киргизскомъ языкѣ, вродѣ имѣющихся на русскомъ языкѣ, дабы познакомить грамотѣевъ хотя съ элементами исторіи и географіи. Охотно читая въ юртахъ вслухъ, киргизы быстро распространили бы эти знанія по степи.

Вліяніе русскихъ гораздо болѣе дѣйствуетъ не школою, но непосредственнымъ сношеніемъ съ поселенцами.

Киргизы поступаютъ въ работники; тутъ они быстро усваиваютъ языкъ и обычаи, и теперь въ Вѣрномъ масса народу изъ киргизъ прекрасно говоритъ по русски.

Но это вліяніе ничтожно въ сравненіи съ вліяніемъ татаръ или сартовъ. Татарская культура сказывается и въ отношеніи костюма и въ уничтоженіи многихъ древнихъ полуязыческихъ обрядовъ и суевѣрій.

Какъ извѣстно, костюмъ киргиза состоитъ изъ рубахи съ широкимъ воротомъ, на которую надѣвается халатъ, панталонъ, сапоговъ съ умѣренно-длинными голенищами и слегка загнутыми (у кара-киргизъ) носками, шубы (токъ), ракшина, надѣваемаго на бритую голову, зимою малахая, лѣтомъ шапочекъ различнаго покроя. Кромѣ того, часто можно видѣть киргизъ въ шелковыхъ безрукавкахъ — камзаль.

Костюмъ женщинъ въ сущности весьма похожъ на мужской. Только бѣлое бѣлье чаще замѣняется кумачевымъ и на головѣ носится особый бѣлый уборъ, по виду крайне напоминающій головной уборъ женъ ветхозавѣтнаго Востока. Уборъ этотъ называется кіимшекъ джалвлукъ; поверхъ него на затылокъ кладется 4-угольный кусокъ полотна чюмерекъ.

Женщины, повсюду болѣе консервативныя, чѣхъ ихъ мужья, сохранили до сихъ поръ тотъ же древній костюмъ, и весьма немногія, подражая татарамъ, подумываютъ о закрытіи лица — обычаѣ, столь не подходящемъ къ ихъ образу жизни.

Но у мужчинъ нововведенія моды дѣлаютъ большіе успѣхи. Ичиги и бешметъ чаще и чаще попадаются на глаза, по мѣрѣ того какъ вы изъ глухихъ уголковъ степи станете приближаться къ культурнымъ оазисамъ. Рядомъ съ этимъ измѣняется и взглядъ киргиза на многіе обряды и обычаи, завѣщанные предками. Слабые слѣды ихъ сохранились лишь въ обрядахъ лѣченія, свадебныхъ и погребальныхъ, при нѣкоторыхъ обычаяхъ судопроизводства.

Зеландъ въ своемъ этнологическомъ очеркѣ особенно напираетъ на тотъ фактъ, что у киргизъ лѣченіе болѣзней, какъ и у многихъ народовъ, олицетворяемыхъ въ видѣ живыхъ существъ, основано на наговорахъ обрядоваго характера. Правда, эти наговоры имѣютъ у этого народа нѣкоторое значеніе; такъ какъ около больного собираются близкіе ему люди и поютъ особаго содержанія пѣсни для отогнанія болѣзни; однако, рядомъ съ этимъ въ народѣ существуютъ знахари и знахарки, которые съ большимъ успѣхомъ пользуютъ какъ людскія, такъ и скотскія болѣзни.

Вообще въ противоположность кара-киргизамъ, киргизы-казаки имѣютъ обширныя свѣдѣнія въ дѣлѣ распознаванія степныхъ и горныхъ травъ. Не говоря о кустарникахъ, большинство травъ имѣетъ свои названія. Они между ними насчитываютъ массу лекарственныхъ, равно какъ и вредныхъ для людей и скота; они строго отличаютъ даже цѣлыя естественныя группы.

Такъ Cruciferae (кресто-цвѣтныя) носятъ названіе Читыръ, при чемъ роды различаются такъ: Акъ-читыръ, Дла-читыръ и т. д.

Papilionaceae (Мотыльковыя), это Джопушка. Ихъ насчитываютъ до 50 видовъ: Копъ-басъ-джопушка, кокъ-басъ-джопушка, сиръ-басъ-джопушка, просто джопушка и т. п. Кустарники однако дѣлаютъ изъ этого правила исключеніе, ибо каждый имѣетъ особое имя. Такъ Caragana frutescens зовется Караганъ, Caragana jubata — Тюё куйрюкъ, Halimodendron argenteum—Чингиль и т. п. Точно такіе злаки дѣлятся на мятельчатые и колосистые — бидаэкъ. Ковыль (кудё) и типчакъ (Festuca), битэге носятъ собственныя названія, такъ какъ имѣютъ особенно важное значеніе для хозяевъ-скотоводовъ.

Мы не будемъ входить въ тонкости киргизской номенклатуры, отсылая читателя къ нашимъ гео-ботаническимъ изслѣдованіямъ Илійскаго бассейна, и переходимъ прямо къ вопросу о пользованіи этимъ травами. По преимуществу пичкаютъ настоями и отварами. Такъ, отъ лихорадки дается отваръ головокъ Artemisia; кашляющимъ баранамъ даютъ настой изъ зеренъ Кокъ-мія (Sophera alopecuroides); для верблюдовъ — кипятятъ кору карагайника (Pinus Schrenkeana). Вмѣсто чаю и при трудныхъ родахъ пьютъ Sanguisorba alpina.

Ревень-равашъ кромѣ послабляющаго и вкуснаго кушанья даетъ киргизу красную краску для полушубковъ и „кереге“. Иссыкъ-кульскій корешокъ или уукоргаеннъ, прославился на все Семирѣчье своими ядовитыми свойствами. Его порошкомъ или отваромъ (decoctum radicis Aconiti napelli) отправлено на тотъ свѣтъ не мало жертвъ ненависти, ревности или несчастной любви. Отъ него остерегаютъ даже скотъ, хотя бараны нерѣдко дѣлаются его жертвою. Иногда, однако, ихъ удается вылѣчивать, наливая въ ротъ холодной воды (?!).

Киргизская медицина заслуживаетъ большого вниманія; но въ виду того, что скоро должна появиться спеціальная монографія по этому вопросу, я ограничусь лишь приведеніемъ одного примѣра лѣченія, съ достаточною ясностью иллюстрирующаго все умѣніе знахаря упростить до возможной степени способъ лѣченія. Я разумѣю леченіе сифилиса.

Больному скатываютъ шарики изъ смѣси ртути съ хорошо истертою мякотью изюма. Такими пилюлями кормятъ человѣка около мѣсяца каждый день, начиная съ 1 пилюли и увеличивая пріемъ каждый день на одну.

Когда паціента доведутъ до такого состоянія, что у него зашатаются зубы и станутъ вылѣзать волосы, перестаютъ давать лекарство. Больного кладутъ подъ шубы и не позволяютъ ѣсть ничего кромѣ бараньяго бульону. Ему цѣлыя двѣ недѣли нельзя двигаться съ мѣста; даже необходимыя потребности онъ долженъ совершать здѣсь же. Заставляя его постоянно потѣть и держать строгую діэту, киргизамъ удается выгнать ртуть и излечить больного.

Вслѣдствіе ли удачи лѣченія или отъ другихъ причинъ встрѣчать сифилитика въ степи приходится сравнительно рѣдко и 25% больныхъ, даваемые г. Зеландомъ, мнѣ кажутся, по крайней мѣрѣ для киргизъ-казаковъ черезчуръ большимъ.

Изъ немногихъ приводимыхъ нами примѣровъ, нельзя не видѣть, что киргизы при лѣченіи вовсе не ограничиваются одними обрядами, у нихъ есть и научная сторона лѣченія. Но нельзя отрицать, что и обрядовая сторона имѣетъ еще до сихъ поръ большое значеніе.

Опишу въ видѣ примѣра наблюдавшійся мною случай лѣченія укушенія змѣи, практикуемый не только по отношенію къ людямъ, но также и къ животнымъ.

Знахарки перевязываютъ укушенное мѣсто тремя нитками, желтою, красною и зеленою и, не переводя духу перебираетъ имена змѣй. Змѣи же, по повѣрью киргизъ, имѣютъ каждая свое собственное имя, подобно людямъ. Надо замѣтить, что людскія имена здѣсь крайне разнообразны. Хотя ученые киргизы и смѣются надъ древнимъ обычаемъ давать имена по первому слову, услышанному послѣ рожденія сына, однако обыкновеніе это еще сильно распространено въ степи. Имена киргизскія вслѣдствіе этого крайне своеобразны. Рядомъ съ Ахметами, Садаками, Омарами и Латифами магометанскихъ святцевъ постоянно слышишь Тайльбаевъ, Майльбаевъ, Аргалбаевъ, Тезековъ (отъ Тезекъ-навозъ), Кудай-Бергеней и мн. др. Я знаю нѣсколькихъ Сассыковъ (вонючка), названныхъ такъ вслѣдствіе маленькаго приключенія, случившагося вскорѣ послѣ рожденія, знаю одного киргиза, котораго звали Сапогъ, такъ какъ это русское слово было первымъ, услышаннымъ послѣ появленія на свѣтъ младенца, наконецъ въ Вѣрненскомъ уѣздѣ есть киргизъ, 7 сыновей котораго носятъ имена семи дней недѣли.

Но обращаюсь къ знахарю, заклинающему больного. Онъ долженъ до тѣхъ поръ перебирать имена змѣй, пока на языкъ не попадется имя змѣи, укусившей больного. Если имя произнесено правильно, больному немедленно становится легче.

Разсказываютъ, что одинъ укушенный въ шею уже совершенно задыхался отъ опухоли; знахарь сказалъ пуговица, указывая на воротъ больного, чтобы его разстегнули, но пуговица и было имя змѣи, вслѣдствіе чего больному немедленно стало легче.

Пока творятся заклинанія, наливаютъ чашку воды и туда кладутъ бараній пометъ. Эту воду разбрызгиваютъ по юртѣ.

Въ то же время женщины поютъ пѣсни для отогнанія боли. Въ нихъ избѣгаютъ назвать болѣзнь или причину ея собственнымъ именемъ и обходятся обиняками.

Поэтому пѣсни выходятъ вродѣ слѣдующей:

Бадэкъ ауру тау басынынъ согады карадаулъ
Бадэкъ бастанъ джесыръ катынъ джилайды баламъ джаетанъ
Бадэкъ кетынъ барады кургутъ аманъ
Джюгунъ ала джюгурджи кургатаманъ,
Джюгунъ ала джюгурдымъ атъ катаманъ
Кудай онланъ бадыкты колгаберсе
Иперсалъ каперды отъ катаманъ
Бадыкъ кетенъ бараде отъ катаманъ
Серкумъ арданъ чечамынъ саболасынъ
Арьяйдай акъ сыркенынъ муюзи карагайдай
Ау бедыкъ — кёшъ.

Приблизительный смыслъ этой пѣсни такой:

* * *

Больной, ты боленъ отъ вихря пронесшагося съ горъ;
Уже плачетъ вдова о своихъ маленькихъ дѣтяхъ;
Ибо ты близокъ къ могилѣ.
Но проворно вскочивъ побѣгу я за лошадью
Чтобъ съ Божьею помощью бросить въ огонь, побороть злую болѣзнь.
Она уже бѣжитъ.
Арьяйдай бѣлый козелъ съ рогами подобными сучьямъ лѣса
Прощай болѣзнь.

Больные киргизы увѣряютъ, что отъ подобнаго пѣнія болѣзни становится значительно легче.

Обращеніе къ арьяйдаю — миоическому имени, объяснить которое мнѣ никто не могъ, есть отголосокъ древняго язычества. Подобные же отголоски можно найти въ обрядахъ, творимыхъ во время годинъ бѣдствій или падежа скота надъ баранами. Обыкновенно это совершается подъ особенными деревьями, особенно почитаемыми киргизами. У киргизъ-казаковъ есть, говорятъ, такое дерево — Динодди — на Или; мнѣ приходилось видѣть другое такое дерево у кара-киргизъ на р. Тупѣ, почему и предпочитаю дать здѣсь описаніе послѣдняго.

Среди степи, гдѣ не виднѣлось вблизи ни одного кустика, близъ ручья возвышалась ива, крайне оригинальной формы. Это было довольно высокое и необыкновенно красивое дерево. Его прямой стволъ былъ увѣнчанъ совершенно правильною круглою кроною листьевъ, свѣшивавшихся съ густыхъ гибкихъ вѣтвей. Самый стволъ, казалось состоялъ изъ множества тонкихъ прутьевъ, завитыхъ другъ около друга спиралью, подобно тому, какъ завиваются проволоки толстыхъ желѣзныхъ канатовъ.

Такое оригинальное, одиночно стоящее дерево обратило на себя вниманіе кочевниковъ кара-киргизъ. Пораженные его формою, они его считаютъ почти святымъ. На его вѣтви вѣшаются ноги и головы умершихъ самыхъ знаменитыхъ скакуновъ, а въ плохіе годы загоняются сюда стада барановъ, и почью читаются молитвы объ избавленіи отъ бѣдствій. Киргизы илійской долины, говорятъ, при этомъ зажигаютъ вокругъ дерева свѣчи, закалываютъ барана, котораго и съѣдаютъ подъ утро.

Повидимому, такія деревья встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Семирѣчья. На эту мысль наводятъ напр. названія урочищъ вродѣ ауліэ агачъ, т. е. святое дерево.

Эти деревья, говорятъ, особенно чтились въ заячьемъ [1]) году, когда былъ такой сильный падежъ скота, что оставилъ память по себѣ и до настоящаго времени. Они, по обрядамъ, съ ними связаннымъ, несомнѣнно являются остаткомъ древняго шаманства, и вмѣстѣ съ повѣріями о людяхъ, могущихъ низводить на землю дождь и немногими обычаями при погребеніи представляются слѣдами исчезающаго язычества. Свадебные обряды почти уже не носятъ на себѣ этихъ слѣдовъ. Они были достаточно хорошо описаны моими предшественниками, и я не буду останавливаться на нихъ долго.

Какъ и у сартовъ, помолвка и обрученіе производятся иногда еще во время ранняго дѣтства. Какъ и у киргизъ малой орды вносится басъ-яхши и аялъ-бахши со стороны свата. Калымъ обыкновенно состоитъ изъ 47 головъ крупнаго скота, почему когда у киргиза родится дочь, къ нему приходятъ съ поздравленіемъ, говоря кркъ-джитте — т. е. съ сорока пятью. Впрочемъ, pater fa-

---

[1]) Еще Левшинъ, въ своемъ описаніи киргизскихъ степей говоритъ о томъ, что года у киргизъ сгруппированы съ 12-тилѣтія, въ которыхъ каждый годъ носитъ названіе какого нибудь животнаго, какъ-то лошадь, заяцъ, тигръ, табунъ и т. д.

milias бываетъ несравненно болѣе доволенъ, если у него рождается наслѣдникъ, а не наслѣдница. При разстроившемся бракѣ, калымъ возвращается, но зачастую въ случаѣ смерти жениха, невѣста его за которую заплаченъ калымъ, достается его брату или ближайшему родственнику. Многіе смотрятъ на уплату калыма, какъ на покупку невѣсты. Это далеко не всегда такъ. Часто случается, что уборы невѣсты и вообще празднованіе свадьбы родителямъ невѣсты обходится гораздо дороже, чѣмъ самый калымъ — и это, не смотря на то, что у киргизъ-казаковъ женщины, вообще говоря, очень дороги, особенно по сравненію съ китайскими сартянками, которыхъ въ Аксу и въ Учь-Турфанѣ, говорятъ, можно получить, заплативъ калыму 7—12 рублей.

Обыкновенно начало свадебнаго празднества открывается бѣгомъ съ призами; затѣмъ съѣхавшіеся разодѣтые гости угощаются чаемъ и различными кушаньями. Дѣвушки въ это время сидятъ въ отдѣльной юртѣ; въ ихъ толпѣ гдѣ нибудь въ углу скрывается невѣста, тогда какъ одна изъ ея подругъ, одѣтая въ подвѣнечное платье съ высокою конусообразною шапкою на головѣ, съ рядомъ жемчужныхъ или другихъ украшеній, цѣлыми гирляндами свѣшивающихся съ этой шапки на плечи и грудь, ходитъ между гостями—съ цѣлью показать уборъ невѣсты (сау-келе).

Послѣ бѣга обыкновенно бываетъ джигитовка съ „тасканіемъ козла". Животному отрубаютъ голову и ловкій удалецъ, схвативъ туловище за ногу, бросается вскачь по степи. За нимъ летятъ въ догонку человѣкъ двадцать всадниковъ и наперерывъ стараются вырвать у него изъ рукъ козла. Но ловкимъ маневромъ онъ высвобождаетъ его изъ рукъ противниковъ и летитъ далѣе. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока кто нибудь не вырветъ у него животное и, ускакавъ отъ преслѣдованія товарищей, не броситъ въ условленную юрту, хозяевамъ которой играющіе должны заплатить дань, если желаютъ продолжать джигитовку. При всей видимой незатѣйливости игры, она требуетъ умѣнія владѣть лошадью, ловкости и большой физической силы.

Послѣ джигитовки бываетъ борьба силачей — кто кого повалитъ, причемъ остальная публика становится вокругъ борющихся и криками одобряетъ побѣдителя. Подъ вечеръ ставится большая юрта; туда входятъ дѣвушки и садятся попарно. Молодые люди садятся снаружи. Кошмы стѣнки юрты поднимаются и, отдѣленные загородкою (кереге) они могутъ видѣть друга друга. Дуэтъ изъ дѣвушекъ поетъ стихами вопросы, на ко-

торые импровизированными же стихами должны отвѣчать молодые люди. Тутъ имъ предоставляется случай показать и свое остроуміе, и находчивость, и умѣнье владѣть языкомъ, которое такъ цѣнится въ киргизскомъ народѣ.

Такъ какъ пѣніе это происходитъ у всѣхъ паръ заразъ, то только четверо изъ сидящихъ — двое молодыхъ людей и двѣ дѣвицы могутъ слышать другъ друга; пѣніе же всей массы сливается въ одинъ неопредѣленный шумъ.

Обрядъ вѣнчанія совершается, какъ у татаръ, по магометанскому закону, на второй день и ничего особеннаго не представляетъ.

Многоженство не составляетъ обыденнаго явленія въ степи. Жены рѣдко живутъ въ мирѣ; кромѣ того обыкновенно для каждой жены нужна бываетъ особая юрта, особая утварь, что для киргизъ, которыхъ я не могу назвать народомъ богатымъ, далеко не всегда возможно.

Рожденіе сына празднуется обыкновенно болѣе торжественно, нежели рожденіе дочери; если послѣднихъ много, то этому обстоятельству не особенно рады. Подобно тому, какъ у сартовъ новорожденный укладывается въ особаго рода лубочную колыбельку, которая ставится гдѣ нибудь въ юртѣ. Точно также и здѣсь, какъ въ Бухарѣ, чтобы не приходилось часто мѣнять бѣлье новорожденнаго, ему на членъ надѣвается особая трубочка, по которой моча стекаетъ въ особое отверстіе на днѣ люльки.

Ребенокъ, начавшій ходить, предоставляется самъ себѣ; впрочемъ, сравнивая мои наблюденія съ данными о сартовскихъ дѣтяхъ, собранными г. Наливкинымъ, я нахожу, что родители къ нимъ гораздо внимательнѣе, чѣмъ у осѣдлаго населенія и отношенія дѣтей лучше. Однако какъ тамъ, такъ и тутъ молодое поколѣніе обладаетъ богатымъ словаремъ самыхъ разнообразныхъ ругательствъ.

Похороны совершаются безъ особой пышности. Обыкновенно надъ зарытымъ въ землю, съ лицомъ обращеннымъ къ западу, покойникомъ, кладется рядъ еловыхъ балокъ, надъ которыми накладывается пирамидообразно куча камней.

Рѣже во избѣжаніе нашествія волковъ, могущихъ вырыть трупъ, мѣсто могилы огораживается глинянымъ, превышающимъ человѣческій ростъ, заборомъ, обыкновенно 4-хъ угольной формы. Это такъ называемый муллушка.

Въ прежнее время надъ могилами героевъ воздвигались цѣлыя

зданія въ восточномъ стилѣ, по habitus'y напоминавшія мечети. Внутренность ихъ расписывалась изображеніями звѣрей, охотничьихъ принадлежностей, рѣже людей. Изъ такихъ муллушекъ особенно замѣчательны двѣ: одна близъ Кастэкскаго перевала — по своимъ рисункамъ, другая около села Преображенскаго на озерѣ Иссыкъ-кулѣ; она выстроена изъ 4-хъ-угольныхъ кирпичей находимыхъ въ изобиліи въ развалинахъ укрѣпленія на берегу озера.

Теперь муллушки строятся рѣже и надо думать, что будетъ скоро уничтожены изображенія и на старыхъ, такъ какъ по мѣрѣ своего ознакомленія съ магометанствомъ, киргизы начинаютъ къ подобной надгробной живописи относиться весьма недоброжелательно. Обычай выставлять куклу въ юртѣ покойника нигдѣ мною замѣчено не было, хотя, говорятъ, у сѣверныхъ киргизъ онъ еще кое гдѣ совершается. Но и доселѣ юрта покойника почти повсюду убирается коврами, а черезъ годъ устраиваются поминки. Родственники, обнимаясь, плачутъ объ умершемъ; гости, подъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе къ юртѣ — пускаютъ лошадей въ карьеръ съ криками: братъ мой, братъ мой! Кромѣ того на поминкахъ нерѣдко, подобно тому какъ на свадьбѣ, устраивается бѣгъ. Замѣчательно, что гости, пріѣхавшіе на поминки, имѣютъ обыкновеніе привозить кумысъ или айранъ съ собою.

Конусовидныя кучи камней, служащія надгробными памятниками у киргизъ, съ теченіемъ времени заносятся землею—и тогда становятся необыкновенно схожими съ древними курганами, съ которыми ихъ и немудрено смѣшать, при ихъ необыкновенной многочисленности и разнообразной величинѣ. Раскопки, мною произведенныя близъ Санъ-таса и въ верховьяхъ Чалкодю-су и Текеса, показали, что, по крайней мѣрѣ, многіе изъ многочисленныхъ кургановъ долины, мѣстами превращающихъ ее въ настоящее кладбище несомнѣнно подобнаго происхожденія.

Но въ долинѣ Иссыкъ-куля, около заилійскаго Алатау, есть курганы болѣе древніе. Они вытянуты рядами, занимаютъ болѣе возвышенныя части переваловъ, по большей части господствуютъ надъ мѣстностью.

Сравнительно рѣдко, на нихъ большею частью попарно попадаются иногда грубо, иногда болѣе изящно сдѣланныя изъ гранита каменныя бабы. То попадаются едва замѣтныя, высѣченныя на камнѣ черты человѣческаго лица, то напротивъ цѣлыя фигуры, изображающія человѣка въ колпакѣ, съ чашею прижатою къ груди и съ мечомъ за поясомъ.

Такія бабы есть около Иссыкъ-куля близъ Преображенскаго, есть онѣ на горахъ Кандыкъ-тау и около Балхаша.

Эти бабы нерѣдко находятся въ связи съ довольно здѣсь распространенными изображеніями на скалахъ. Такія изображенія попадаются близъ урочища Дала-кайнаръ, между горами Ханъ-тау и Андракай и особенно много въ горахъ Кандыкъ-тау въ урочищѣ Ой-джайлау, въ верховьяхъ рѣчки Узунъ-су.

Тутъ попадаются всадники, вооруженные луками и стрѣлами; другіе держатъ въ рукахъ длинныя копья съ значками и имѣютъ у пояса кривыя сабли. Ихъ длинныя одежды напоминаютъ халаты. Сцены представляютъ чаще всего охоту. Люди всегда окружены оленями, архарами, лисами, тиграми, кабанами и какими-то очень крупными животными съ толстымъ пушистымъ хвостомъ и клыками, подобными мамонтовымъ; въ ущельи попадаются также изображенія верблюда — именно двугорбаго. Рисунки грубы, полустерты; гранитныя скалы, на которыхъ они изображены, подвергаются разрушенію и, надо думать, если археологи не поспѣшатъ заняться изученіемъ этихъ остатковъ, они скоро безслѣдно пропадутъ для науки.

Замѣчательно, что при этихъ изображеніяхъ я нигдѣ не встрѣтилъ надписей; наоборотъ вездѣ необыкновенно характерными являлись изображенія козловъ съ большими загнутыми на спину рогами, вродѣ тау-текъ, нынѣ живущаго въ горахъ. Эти животныя или въ одиночку или цѣлыми рядами одинъ за другимъ, подобно тому какъ они располагаются, пробираясь по горнымъ тропинкамъ, почти постоянно сопровождаютъ всѣ изображенія на скалахъ.

Исключенія изъ этого правила составляютъ впервые найденныя и срисованныя экспедиціею П. П. Семенова изображенія божествъ въ Илійскомъ ущеліи. Этотъ такъ называемый Тамга-тасъ знаютъ всѣ киргизы. Рисунокъ его хранится въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

Эти остатки древности, равно какъ и развалины укрѣпленій по берегу Иссыкъ-куля, являются довольно загадочными. Они свидѣтельствуютъ о существованіи здѣсь въ давно прошедшіе времена народа несравненно болѣе культурнаго, чѣмъ киргизы.

Этотъ народъ, судя по сосудамъ, найденнымъ въ Иссыкъ-кулѣ и до сихъ поръ въ пренебреженіи валяющимся вмѣстѣ со всякимъ хламомъ въ сараѣ новостроющейся обители близъ села Преображенскаго, употреблялъ для своихъ издѣлій мѣдь и глину. Осколки черепковъ отъ подобной посуды были мною найдены и въ разва-

линахъ укрѣпленія близъ Преображенскаго. Здѣсь въ 4-хъ-угольномъ пространствѣ, обнесенномъ глубокимъ рвомъ и остатками глиняной стѣны, найдены были каменныя бабы, масса костей человѣческихъ и животныхъ, угли и черепки глиняныхъ издѣлій. Въ этомъ мѣстѣ изъ озера выбрасываетъ волнами много череповъ, а рыбаки изъ поселенцевъ находятъ различныя вещи, преимущественно мѣдныя. Такъ напр. былъ найденъ громадной величины мѣдный котелъ на ножкѣ, крайне напоминающій по своей формѣ тѣ, которые нарисованы при описаніи минусинскихъ древностей; затѣмъ тутъ же былъ выловленъ изящной работы сосудъ вродѣ низенькаго самовара безъ трубы и крана. На немъ были узоры, и онъ еще сохранилъ слѣды серебра, которымъ онъ былъ покрытъ. Этотъ сосудъ почти тождественъ съ такъ называемыми „самоварами“, и донынѣ употребляемыми у таранчей и сартовъ, т. е. сосудами, гдѣ готовятся самоварнымъ способомъ различныя кушанья.

Кромѣ того въ сараѣ монастыря я видѣлъ толстые глиняные сосуды съ ручками и безъ ручекъ и тяжелыя гири въ $^1/_2$ пуда вѣсомъ. Желательно, чтобы на подобныя древности мѣстная администрація обращала большее вниманіе, и сосуды, находимые въ озерѣ, не превращались напр. въ цвѣточные горшки для украшенія сада, примѣненіе, которое нашелъ себѣ выловленный колоколъ въ рукахъ лица, нынѣ живущаго въ Вѣрномъ.

Но повидимому не только мѣдь, но и желѣзо нѣкогда выдѣлывалось на берегахъ Иссыкъ-куля.

Такъ, немного выше Преображенскаго, по р. Туну, не доѣзжая до священнаго дерева Кара-киргизъ, я находилъ на землѣ желѣзные шлаки и куски кирпичей, того же характера, что и Иссыкъ-кульскіе, свидѣтельствовавшіе, что здѣсь нѣкогда была кузница.

Характеръ иссыкъ-кульскихъ сосудовъ, сходство въ структурѣ киргизскихъ могилъ съ курганами, которые также имѣютъ каменное ядро и кругъ изъ валуновъ, окаймляющихъ кратеръ, заставляютъ думать, что культура древняго населенія побережій озера оставила кой-какіе слѣды и въ нынѣшнихъ его жителяхъ.

Таковы тѣ немногія и отрывочныя данныя, которыя мнѣ удалось собрать попутно, во время моихъ гео-ботаническихъ изслѣдованій въ Илійской долинѣ. Мой очеркъ я однако не считалъ бы законченнымъ, не упомянувши вкратцѣ о тѣхъ отношеніяхъ, которыя въ послѣднее время замѣчаются между туземцами и ново-пришедшими русскими колонистами, казаками, русскими крестьянами и хохлами. Какъ всегда и вездѣ при столкновеніи цивилизованнаго на-

рода съ дикарями, не обошлось и не обходится и здѣсь безъ случаевъ эксплуатаціи. Однако къ чести нашей администраціи надо сказать, что сравнительно съ другими инородцами Сибири, киргизы пока находятся въ лучшихъ условіяхъ. Какъ народъ болѣе смышленый и вмѣстѣ съ тѣмъ хитрый, поставленные въ нормальныя отношенія къ колонистамъ, развитіе которыхъ также нельзя назвать высокимъ, киргизы болѣе быстро осваиваются съ русскими порядками и скоро научаются отстаивать свои интересы передъ администраціею ничуть не хуже, чѣмъ ихъ конкуррепты. Поэтому если они и страдаютъ отъ различнаго рода азіатскихъ и провинціальныхъ золъ, то приблизительно такъ же, какъ и прочее населеніе края.

Но грустнымъ явленіемъ, исключительно распространеннымъ среди киргизскаго населенія, является самое безбожное ростовщичество, практикуемое какъ русскими, такъ и сартами.

Здѣсь у насъ врядъ ли повѣрятъ тѣмъ ужасающимъ способамъ вымогательства, какіе практикутся подобными субъектами. Для примѣра приведу нормальный и самый притомъ еще лучшій способъ займа.

Киргизъ, у котораго денегъ никогда не водится, обязанъ къ данному сроку внести извѣстную сумму денегъ; къ этому его принуждаютъ или волостные управители или сборщики.

Не имѣя ни копѣйки наличными, онъ беретъ требуемую сумму (которая, благодаря корыстолюбію сборщиковъ, еще въ недавнее время, иногда во много разъ превосходила узаконенную цифру) у заимодавца, обязуясь черезъ извѣстный короткій срокъ возвратить за каждый взятый рубль по барану (стоящему положимъ 3—4 рубля), причемъ бараны обязательно должны быть самаго хорошаго качества. Въ случаѣ же неустойки должникъ обязанъ уплатить штрафъ значительной суммой денегъ или крупнымъ скотомъ.

Такъ какъ понятіе хорошій баранъ есть понятіе весьма растяжимое, то почти всегда кредиторъ, помимо своихъ громадныхъ процентовъ, получаетъ еще и штрафной скотъ. Но это еще счастливый случай; нерѣдко выкидываютъ фокусы гораздо худшаго свойства. Во время уплаты податей я видѣлъ, какъ черезъ Караколъ гнали безконечными вереницами стада барановъ, лошадей и коровъ, забранныя подобными кредиторами. Въ это время стоимость животныхъ сильно падаетъ, такъ какъ и киргизы и кредиторы спѣшатъ продать скотъ, превратить его въ наличныя деньги.

Но если изъять эти болѣзненныя явленія, въ сущности легко

устранимыя устройствомъ киргизскаго банка, или какими либо другими мѣрами, отношенія къ русскимъ нельзя назвать дурными.

Интеллигентъ мало мальски честный и добросовѣстный пользуется довѣріемъ кочевниковъ. Къ нему они нерѣдко охотнѣе обращаются для разрѣшенія тяжебъ, чѣмъ къ своимъ біямъ, несмотря на то, что въ сущности киргизскій судъ устроенъ весьма остроумно. И истецъ и отвѣтчикъ приводятъ со своей стороны по 2 бія, нерѣдко предсѣдательствуетъ еще 5-й. Одна пара играетъ роль адвокатовъ, другая прокуроровъ; но при разборѣ дѣла обыкновенно перевѣсъ имѣютъ тѣ, которые съумѣютъ колкими и остроумными возраженіями сбить съ толку, или поставить въ смѣшное положеніе противника. Вотъ почему мѣста біевъ занимаютъ всегда люди остроумные и каламбуристы. Но біи находятся подъ слишкомъ сильнымъ давленіемъ волостныхъ, и вотъ почему населеніе предпочитаетъ искать третейскаго суда у русскаго.

Что же касается до простого народа, то, наблюдая отношенія къ нему туземцевъ, нельзя не замѣтить нѣкоторой разницы въ обращеніи съ крестьянами и казаками.

Несмотря на то, что въ нравственномъ отношеніи казаки несравненно ниже, нежели поселенцы крестьяне; не смотря на то, что они то главнымъ образомъ и являются эксплоататорами кочующаго населенія долины, пользуясь дикостью и довѣрчивостью туземцевъ, они пользуются у киргизъ безусловно большею симпатіею, нежели крестьяне.

Послѣдніе, особенно хохлы, принесли изъ Россіи массу пред разсудковъ, странныхъ и смѣшныхъ для киргиза. Считая кочевое населеніе нехристями, собаками, они не всегда стѣсняются это высказывать и въ глаза самолюбивому киргизу; они его нѣсколько сторонятся, не признаютъ въ немъ правъ, гнушаются его пищею (конина, кумысъ). Замкнутые и у себя хохлы еще болѣе жмутся другъ къ другу здѣсь, кладя предѣлъ отношеніямъ съ туземцамъ.

Великороссъ казакъ, напротивъ, чуждъ сепаратизма; прекрасно по большей части владѣя языкомъ, знакомый съ нравами туземца, не имѣя никакихъ предразсудковъ, онъ пріятный гость въ юртѣ киргиза. Въ степи у него есть друзья, тамыры, къ которымъ онъ ѣздитъ обдѣлывать дѣлишки. Тамыръ также дѣлаетъ визиты къ казаку, заискиваетъ въ немъ, дабы избѣжать притѣсненія въ сомнительномъ случаѣ покражи лошади, за которую отвѣчаетъ цѣлый аулъ, или чего либо подобнаго.

Не встрѣчая со стороны казака суевѣрнаго пренебреженія къ

своимъ порядкамъ, онъ и у него не видитъ того, что такъ шокируетъ магометанина у хохла.

При цѣнѣ мяса въ 5 к. фунтъ, при обиліи хлѣба и дешевизнѣ рабочихъ рукъ, казакъ при всей своей распущенности живетъ гораздо чище и богаче средней руки крестьянина. Въ несчастнѣйшемъ изъ казачьихъ выселковъ, Охотничьемъ я ночевалъ въ комнатѣ съ прекрасными стульями, съ кроватями, съ прекрасными пуховиками, гдѣ столы были покрыты чистыми скатертками, были свѣчи въ мельхіоровыхъ подсвѣчникахъ, посуда съ ножами и вилками. Полы были устланы чистыми циновками, стѣны убраны картинами, окна цвѣтами. Подобная обстановка нерѣдкость въ домѣ зажиточнаго казака. Киргизъ, посѣщая такого тамыра, видитъ только превосходство его культуры. Пробуя его кушанья, онъ желаетъ имѣть у себя такія же (картофель), мечтаетъ о самоварѣ и погребцѣ.

Эксплоатація мало шокируетъ киргиза; такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ самъ, попади онъ въ положеніе казака, врядъ ли поступилъ-бы иначе.

Потому-то объ одѣтомъ въ халатъ или бешметъ казакѣ киргизъ, мало мальски имѣвшій сношенія съ русскими, отзывается какъ о человѣкѣ хотя другой расы, но имѣющемъ съ нимъ кое-что общее.

Наоборотъ въ несовсѣмъ опрятномъ жилищѣ хохла, гдѣ въ комнату, не надѣлавъ большаго изъяна, можетъ зайти и свинья, гдѣ своимъ прикосновеніемъ она осквернитъ и питье и ѣду, которую могутъ тутъ же съѣсть ея хозяева, гдѣ его нѣсколько чуждаются и относятся недоброжелательно, киргизъ чувствуетъ себя вчужѣ.

Онъ самъ съ завистью и недоброжелательствомъ относится къ быстрому повышенію уровня достатка у хохла—а если еще киргизъ этотъ побылъ въ ученіи у муллы, онъ прямо гнушается его и христіанское названіе—собака, адресуемое киргизу, мѣняется эпитетомъ свинья—преподносимымъ хохлу.

Само собою разумѣется, что можно найти массу исключеній изъ всего сказаннаго объ отношеніяхъ къ казаку и хохлу. Особенно много такихъ исключеній въ Иссыкъ-Кульскомъ уѣздѣ, гдѣ изъ крестьянъ много великороссовъ, и въ окрестностяхъ Вѣрнаго, гдѣ и у хохловъ много тамыровъ у киргизъ.

Но общій характеръ отношеній таковъ, и стоитъ немного побывать въ степи, чтобы видѣть, что къ казаку отношеніе не то, что къ крестьянину.

Кара-киргизы.

Статья г. Зеланда, имѣвшаго возможность наблюдать Кара-киргизъ на мѣстѣ гораздо долѣе, чѣмъ я, заключаетъ въ себѣ сумму свѣдѣній гораздо болѣе полную, чѣмъ могъ бы сообщить я, публикуя свои замѣтки. Поэтому я позволю себѣ здѣсь ограничиться объ этомъ инородцѣ лишь нѣсколькими словами.

На первый взглядъ Кара-киргизы производятъ впечатлѣніе народа несравненно болѣе дикаго, нежели ихъ собраты, Киргизы-казаки. Оно и неудивительно. Послѣдніе давно уже находятся въ сношеніяхъ съ русскими; благодаря равнинности страны, ими обитаемой, они гораздо скорѣе, чѣмъ Кара-киргизы могли освоиться съ новою культурою и обычами.

Напротивъ, послѣдніе, вполнѣ оправдывая названіе киргизъ дикокаменныхъ, всегда жили въ глухихъ скалахъ и ущеліяхъ, нерѣдко забитые въ такую глушь, куда еще никогда не проникалъ ни одинъ русскій или вообще ни одинъ осѣдлый человѣкъ. Характеръ природы, величественной, нерѣдко даже подавляющей, но вмѣстѣ съ тѣмъ пустынной и однообразной, несмотря на присутствіе громадныхъ горъ, наложилъ особую печать на этихъ кочевниковъ, которая несмотря на всю близость ихъ къ Киргизъ-казакамъ, позволяетъ провести рѣзкую параллель между этими двумя народностями.

На вопросъ, откуда они пришли, Кара-киргизы показываютъ на юго-западъ; нѣкоторые называютъ прямо Андиджанъ. Въ ихъ рѣчи встрѣчается много словъ, имѣющихъ совершенно иные корни, чѣмъ у Киргизъ-казаковъ, и нѣкоторые изъ этихъ корней напоминаютъ индо-европейскіе; такъ напр. вмѣсто хямъ-нога они говорятъ пудъ.

Впрочемъ кромѣ этого ничто не говоритъ въ пользу ихъ не тюркскаго происхожденія; число рыжихъ или бѣлокурыхъ особей у нихъ на мой взглядъ не больше, скорѣе даже меньше, чѣмъ у киргизъ-казаковъ.

Отдавши китайцамъ Кульджинскій раіонъ — эту жемчужину Илійскаго бассейна, мы вмѣстѣ съ тѣмъ отдали и лучшую часть долины Текеса, которая одна могла прокормить и прокармливала девять волостей. Съ другой стороны русская и дунганская колонизація въ долинѣ Иссыкъ-Куля, превратившая побережья озера въ чисто русскую провинцію съ отголосками китайской культуры — сильно стѣснила угодія киргизъ и была причиною необыкновенно быстраго пониженія ихъ благосостоянія. Особенно сильный ударъ

нанесла отдача Текеса, такъ что теперь Кара-киргизы многихъ волостей не только кажутся бѣднѣе Киргизъ-казаковъ — но даже серьезно подумываютъ о бѣгствѣ въ Китай, и, несмотря на мѣры принятыя мѣстною администраціею—эмиграція эта уже начинается. Фактъ этотъ перестанетъ казаться страннымъ, если мы разсмотримъ условія перекочевокъ у Кара-киргизъ и сравнимъ ихъ съ тѣмъ, что мы видѣли у Киргизъ-казаковъ.

Кара-киргизы точно также имѣютъ 4 перекочевки. Весну они проводятъ въ долинѣ Иссыкъ-Куля, гдѣ, несмотря на ея возвышенное положеніе, время таянія снѣговъ и посѣвовъ почти то же, что и въ предгоріяхъ Заилійскаго Алатау. Кочевники, подобно Киргизъ-казакамъ охотно сѣющіе пшеницу, просо и кунакъ, занимаются это время года посѣвами хлѣбовъ и обработкой почвы, не смотря на высокое положеніе долины, требующей искуственнаго орошенія.

Съ наступленіемъ лѣта ени поднимаются на горы, сначала также въ область хвойнаго лѣса; позже на такъ наз. сырты, т. е. высокія плоскогорья, составляющія водораздѣлъ между бассейнами Тарима Сыръ-Дарьи и Иссыкъ-Куля.

Но между джайлау Кара-киргизъ и лугами киргизъ казаковъ существуетъ громадная разница. Альпійскіе луга Алатау, Кетменскихъ горъ и другихъ хребтовъ, въ ихъ распоряженіи находящихся, носятъ характеръ настоящихъ нагорныхъ пастбищъ. Не то на сыртахъ Терской-тау и группы Ханъ-Тенгри. Здѣсь уже повсюду чувствуется зловредное дыханіе Гоби и дѣйствіе лучей среднеазіатскаго солнца.

Несмотря на громадную высоту надъ уровнемъ моря, сравнительно близкое сосѣдство глетчеровъ и снѣговой линіи здѣсь господствуетъ сухость почвы и бѣдность атмосферными осадками. Отъ этой сухости и холода, обусловливаемаго высотою надъ уровнемъ моря происходитъ то явленіе, что пастбища здѣсь чрезвычайно бѣдны. Травы степного характера низкорослы и стоятъ на дальнемъ другъ отъ друга разстояніи; при томъ онѣ развиваются мало-мальски порядочно только въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ горными ручьями или тающими снѣгами. Болѣе сухія мѣста, особенно въ сосѣдствѣ Лиръ-таса или Сары-Шата иногда совершенно лишены всякой растительности.

Кромѣ того колебанія температуры здѣсь чрезвычайно велики и, послѣ полуденнаго жара наступаетъ подъ вечеръ морозъ нѣсколько градусовъ ниже 0. Среди лѣта въ іюлѣ на цвѣтущіе луга вдругъ выпадаетъ снѣгъ, и растительность на нѣсколько дней лежитъ подъ

слоемъ его при температурѣ значительно низшей, чѣмъ точка замерзанія.

Съ другой стороны зимою, при бѣдности Сырта снѣгомъ, слой его бываетъ очень невеликъ. На откосахъ, обращенныхъ на югъ, онъ, говорятъ, не держится вовсе, и скудная травка, несмотря на страшные холода, стоящіе въ это время года, представлятъ кормъ, легко доставаемый животными, которыя особенно любятъ подобные откосы, такъ какъ тутъ часто встрѣчаются выцвѣти соли. Кара киргизы въ настоящее время имѣютъ Сыртъ своимъ главнымъ мѣстопребываніемъ. Весну и осень они проводятъ на лѣсистыхъ склонахъ Тянь-Шаня. Долина Иссыкъ-Куля, значительная часть которой занята хлѣбами, служитъ пастбищемъ обыкновенно только послѣ снятія этихъ послѣднихъ.

Самые теплые мѣсяцы лѣта, равно какъ и самое холодное время зимы большая часть населенія живетъ на Сыртѣ, подверженная всѣмъ непріятностямъ его климата, всѣмъ рѣзкостямъ перехода температуры и изсушающихъ вѣтровъ.

Вслѣдствіе этого кара-киргизъ еще болѣе напоминаетъ гиперборейца, чѣмъ его собратъ киргизъ казакъ. Его обстановка по большой части бѣдна, на видъ онъ грязнѣе и производитъ зачастую впечатлѣніе совершеннаго дикаря. Магометанство повидимому сдѣлало здѣсь гораздо меньшіе успѣхи, чѣмъ въ степяхъ, и часто попадаются субъекты, имѣющіе весьма смутное понятіе о своей религіи. На мой взглядъ кара-киргизъ гораздо угрюмѣе и сосредоточеннѣе киргиза-казака— и черта эта, судя по образцамъ литературы, собраннымъ Радловымъ, отразилась и на его поэзіи. Вмѣсто многочисленныхъ лирическихъ произведеній, столь распространенныхъ у киргизъ казаковъ, мы здѣсь встрѣчаемъ эпосъ, эпосъ по своему характеру болѣе первобытный, чѣмъ эпосъ грековъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лишенный той фантастичной обстановки, какая присуща эпосу древнихъ финновъ и германцевъ съ ихъ олицетворенными силами природы.

Эпосъ киргизъ болѣе или менѣе прозаиченъ и бѣденъ фантазіей, хотя героямъ его и приписываются сверхъестественные подвиги.

Барды, поющіе такія пѣсни, до сихъ поръ не рѣдки среди населенія. Нѣкоторыя волости особенно извѣстны своими пѣвцами, странствующими изъ аула въ аулъ со своими балалайками. Но такъ какъ эти пѣвцы, равно какъ и другія особенности быта кара-киргизъ описаны подробно у Радлова и Зеланда, то я, не находя

ничего, что могъ бы прибавить къ замѣткамъ ихъ новаго, позволю себѣ ограничиться этими не многими данными.

Въ заключеніе считаю однако нелишнимъ указать на слѣдующія отличительныя черты жизни кара-киргизъ иссык-кульскихъ. Они болѣе горные охотники, чѣмъ киргизы казаки. Тѣ главнымъ образомъ охотятся на кулановъ, которыхъ нерѣдко (въ видѣ жеребятъ) ловятъ живьемъ и скрещиваютъ со своими кобылицами, получая такимъ путемъ лучшихъ скакуновъ. Лисы, кара-куйрюки, фазаны и рябчики составляютъ главный охотничій промыселъ киргизъ казака; нѣкоторымъ подспорьемъ является у него ловля рыбы въ Балхашѣ. Наоборотъ же кара-киргизы по преимуществу ловятъ мараловъ, архаровъ и Тау-тэкэ; они же особенные почитатели птичьей охоты. Можно зачастую у нихъ видѣть на цѣпи ястребовъ, спеціально дрессированныхъ для охоты.

Женщины кара-киргизскія не имѣютъ головныхъ уборовъ, описанныхъ у киргизъ-казаковъ. Наоборотъ мужчины носятъ цилиндрическія шапочки особаго фасона.

Перепечатано, по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, изъ XXIII тома „Извѣстій“ Общества.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11 — 2.

2007057049